

Женский исторический роман

ЧИТАЮЩАЯ ПО ЦВЕТАМ

Элизабет
ЛУПАС

Элизабет Лупас
Читающая по цветам
Серия «Женский исторический роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17100142
Читающая по цветам / Элизабет Лупас: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7474-7

Аннотация

XVI век, время правления шотландской королевы Марии Стюарт, претендентки на английский престол. Главная героиня, Ринетта Лесли, наделена даром предсказывать будущее по цветам. Но этот дар не сможет предотвратить бурю, что всколыхнет жизнь девушки, когда умирающая королева Мария де Гиз передаст ей в руки ларец, в котором хранятся предсказания Нострадамуса и личные бумаги. Сильные мира сего и их посланники охотятся за ларцом, и юной Лесли не раз придется рисковать жизнью ради сохранения мрачных тайн королевского двора Шотландии.

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	40
Глава седьмая	46
Глава восьмая	51
Глава девятая	57
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Элизабет Лупас

Читающая по цветам

*Памяти моей матери, наследницы
старинного шотландского рода,
Маргарет Флеминг Гросс (1913–2010)
с любовью посвящаю*

Литературно-художественное издание
Женский исторический роман

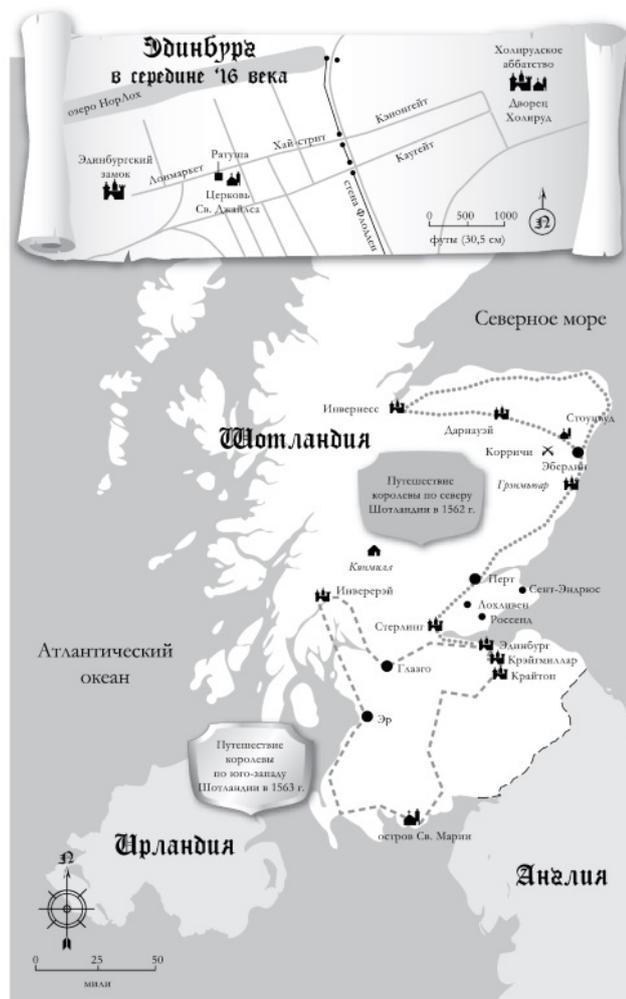
Элизабет Лупас
Elizabeth Loupas

© Elizabeth Loupas, 2012

Перевод на русский язык:
Татищева Е.С.

Список действующих лиц:

Действующие лица, чьи имена отмечены звездочкой, являются вымышленными.

РОД ЛЕСЛИ ИЗ ГРЭНМЬЮАРА, ИХ РОДСТВЕННИКИ И СЛУГИ:

- # Марина Лесли, по прозвищу Ринетт, наследница рода Лесли из Грэнмьюара.
- # Александр Гордон из Глентлити, возлюбленный Ринетт с самого детства.
- # Майри Гордон, дочь Ринетт.
- # Кэтрин Хэмилтон, по прозвищу Китти, дочь Ринетт.
- # Патрик Лесли из Грэнмьюара, отец Ринетт, троюродный брат графа Роутса. Умер во Франции в 1551 году.
  - # Бланш д'Орлеан, мать Ринетт, внебрачная дочь Людовика I Орлеанского, герцога де Лонгвиля, и крестьянки Аньес Лури. Единоутробная сестра Людовика II Орлеанского, герцога де Лонгвиля, первого мужа Марии де Гиз. С 1551 года – монахиня Ордена св. Бенедикта в Монмартрском аббатстве в Париже.
  - # Аннабелла Гордон, леди Лесли, мать Патрика Лесли и бабушка Ринетт. Умерла в 1557 году.
  - # Марина Лесли (старшая), незамужняя тетя Патрика Лесли и двоюродная бабушка Ринетт. Умерла в 1550 году.
  - # Марго Лури, тетя Ринетт, законная дочь Аньес Лури и ее мужа. По прозвищу Tante Mar – тетушка Мар по-французски произносится «тант Мар».
  - # Уот Кэрни, конюший Ринетт, слуга семьи Лесли из Грэнмьюара.
  - # Эннис Кэрни, его двоюродная сестра, кормилица Майри Гордон, позднее – служанка семьи Лесли из Грэнмьюара.
  - # Норман Мор, кастелян Грэнмьюара.

Бесси Мор, его жена.

Дженет Мор, дочь Нормана и Бесси Мор, молочная сестра Ринетт.

Дэйви Мор, сын Нормана и Бесси Мор.

Отец Гийом, священник церкви святого Ниниана в Грэнмьюаре.

Робине Лури, комендант Грэнмьюара, двоюродный брат Марго Лури.

Джилл, помощник конюха, первоначально – в услужении Рэннока Хэмилтона из Кинмилла.

Либбет по прозвищу Мышка, немая служанка, первоначально – в услужении Рэннока Хэмилтона из Кинмилла.

Юна МакЭлпин, сиделка, привезенная в Грэнмьюар из Эдинбурга.

ОСТАЛЬНЫЕ ШОТЛАНДЦЫ:

Мария де Гиз, королева-регентша Шотландии.

Мария Стюарт, королева Шотландии, дочь короля Иакова V и Марии де Гиз.

Джеймс Стюарт, граф Морэй, внебрачный сын Иакова V и единокровный брат Марии Стюарт.

Эгнес Кит, жена Джеймса Стюарта, графиня Морэй. Племянница Элизабет Кит, графини Хантли.

Маргарет Эрскин, мать Джеймса Стюарта, главная фаворитка короля Шотландии Иакова V и вдова сэра Роберта Дугласа из Лохлевена.

Сэр Уильям Дуглас из Лохлевена, законный сын Маргарет Эрскин.

Эгнес Лесли, его жена, сестра Эндрю Лесли, пятого графа Роутса.

Джон Стюарт из Колдингема, внебрачный сын Иакова V, единокровный брат Марии Стюарт.

Джин Хепберн, сестра Джеймса Хепберна, графа Босуэла, и жена Джона Стюарта.

Джин Стюарт, графиня Аргайл, внебрачная дочь Иакова V и единокровная сестра Марии Стюарт.

Арчибальд Кэмпбелл, граф Аргайл, муж Джин Стюарт.

Мэри Флеминг по прозвищу Фламиния, одна из «четырех Марий» Марии Стюарт.

Мэри Ливингстон, одна из «четырех Марий»

Мэри Ситон, одна из «четырех Марий».

Мэри Битон, одна из «четырех Марий».

Давид Риччо, музыкант из Пьемонта.

Джордж Гордон, четвертый граф Хантли, глава клана Гордонов.

Сэр Джон Гордон, один из его сыновей.

Элизабет Кит, леди Хантли, его жена.

Ведьмы, послушные воле леди Хантли: Джанет, Битхэг и Одноглазая Мэгги. Наличие ведьм подтверждено историческими источниками, сохранилось и одно из их имен – «Джанет». Два остальных имени вымышлены.

Эндрю Лесли, пятый граф Роутс, глава клана Лесли.

Гризель Хэмилтон, графиня Роутс, жена Эндрю Лесли.

Рэннок Хэмилтон из Кинмилла, внебрачный сын отца Гризель Хэмилтон, ее единокровный брат.

Сэр Уильям Мэйтланд из Летингтона, государственный секретарь Марии Стюарт.

Джеймс Хепберн, граф Босуэл.

Джон Семпилл из Белтриза, возлюбленный Мэри Ливингстон.

Джон Нокс, вождь шотландской Реформации, руководивший ею вкупе с группой шотландской протестантской знати, именуемой лордами Протестантской Конгрегации.

Роберт Хендерсон, хирург, неоднократно нанимавшийся городским советом Эдинбурга.

Сэр Арчибальд Дуглас из Килспинди, мэр Эдинбурга.

ФРАНЦУЗЫ:

Екатерина де Медичи, королева мать и регентша Франции.

Франциск II, король Франции, первый муж Марии Стюарт. Умер 5 декабря 1560 года, оставив Марию молодой вдовой.

Карл IX, король Франции, младший брат и преемник Франциска II.

Антуанетта де Бурбон, вдовствующая герцогиня де Гиз, бабушка Марии Стюарт.

Франсуа I, герцог де Гиз, ее сын, дядя Марии Стюарт.

Анна д'Эсте, герцогиня де Гиз, его жена, сестра Альфонсо д'Эсте, пятого герцога Феррары.

Мишель де Нострадам, прозываемый Нострадамусом.

Пьер де Шастеляр, внук поэта шевалье де Байяра.

Никола де Кларак, один из французских секретарей Марии де Гиз.

Блез Лорентен, наемник.

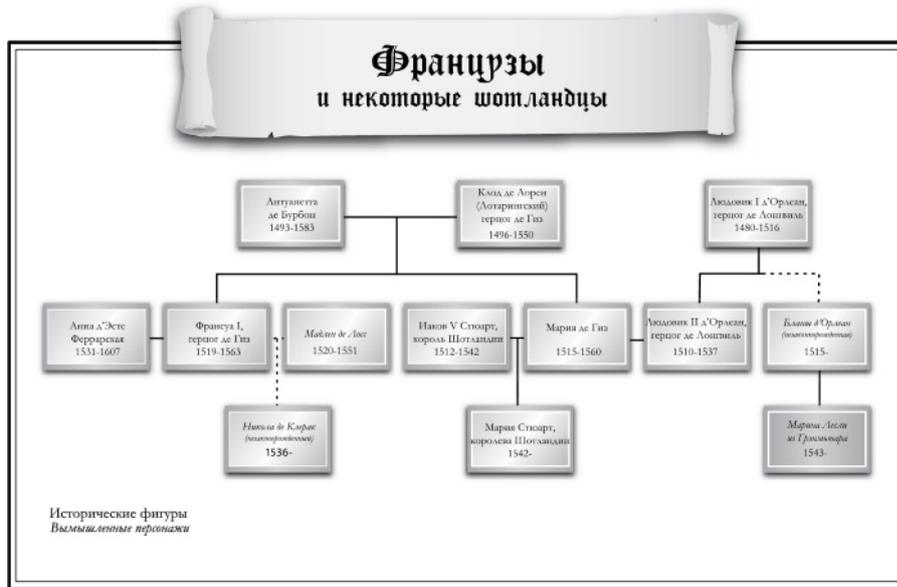
АНГЛИЧАНЕ:

Елизавета Тюдор, королева Англии.

Томас Рэндолф, агент Елизаветы Тюдор.

Ричард Уэдерел, агент Елизаветы Тюдор.

Генри Стюарт, сын графа Леннокса, именуемый лордом Дарнли.

Глава первая

Эдинбургский замок, 10 июня 1560 года

Я ненавидела королеву, ненавидела всеми силами души.

Я была необузданной и нескладной четырнадцатилетней девчонкой, когда моя бабушка умерла и королева забрала меня, брыкающуюся и плачущую, из Грэнмьюара и заточила при дворе. Надо отдать ей должное – благодаря ей я прожила три года в роскоши и получила образование – изучила музыку, поэзию, научилась изысканным манерам – но там не было свежего, пахнущего морской солью воздуха, кружащих над головою кайр, полевых цветов и огромного серебристого неба, простирающегося далеко-далеко и встречающегося на горизонте с морем. Она вырвала меня из родного дома. Она разлучила меня с Александром Гордоном, который был моим сердцем и душой. Она разрушила мою жизнь. Клянусь Зеленой дамой Грэнмьюара, я ее ненавидела.

Как я могла так сильно ее ненавидеть и в то же время всем сердцем любить?

А теперь она умирала, Мария де Гиз, вдовствующая королева-регентша Шотландии, моя тетушка по своему первому мужу, моему родному дяде, единокровному брату моей матери, Людовику II Орлеанскому, герцогу де Лонгвиллю, моя приемная мать моя сеньора, мой враг, умирала ночью, под убывающей луной. И все в Эдинбурге, все в замке, все в опочивальне королевы, ждали, когда она умрет.

У меня болели колени от стояния на каменном полу; все места на ковре были заняты людьми, старшими по возрасту и занимающими более высокое положение при дворе. Вслух я молилась в унисон с дамами, стоящими на коленях впереди меня, утопая в густом запахе воска, духов, пота и болезни, безукоризненно произнося латинские фразы, которые ничего для меня не значили. Но в сердце своем я истово молилась о том, чтобы за мною приехал Александр Гордон, мой ненаглядный, золотой возлюбленный. Мы уедем домой, наконец поженимся и будем счастливы вечно.

Французские фрейлины королевы стояли на коленях подле ее кресла; самые смелые из них, перебирая четки, с вызовом читали латинские молитвы под недобро прищуренными взглядами лордов Протестантской Конгрегации. Лорд Эрскин и молодой лорд Ситон тоже преклонили колена рядом с королевой, здесь же находились и полуразбойник граф Босуэл и всегда непроницаемый французский секретарь королевы месье Никола де Клерак. Лорд Джеймс Стюарт, внебрачный сын второго мужа королевы, покойного короля, то входил, то выходил из опочивальни, и, глядя на него, я видела нарцисс – своекорыстие и львиный зев – знак коварства.

Почему цветы? Я всегда видела цветы в лицах и глазах людей, и цветы говорили мне, каковы они внутри, что сделали и что сделают в будущем. Стоило мне коснуться цветка или вдохнуть его аромат, и перед моими глазами вставали видения. Это был древний, древний дар, передаваемый сквозь века в роду Лесли из Грэнмьюара, и моя двоюродная бабушка, которую так же, как и меня, звали Марина Лесли, научила меня пользоваться им, когда я была еще совсем девочкой. Говорили, что я похожа на нее – такие же каштановые, с рыжеватым отливом волосы, в которых солнце зажигало золотистые блики, такие же сине-зеленые, как море, глаза, фамильные глаза Лесли. А еще говорили, что она безумна. Она так и не вышла замуж и жила одна в северо-восточной башне Грэнмьюара, которую мы называли Русалочьей башней. Она вела постоянную войну с моей бабушкой, матерью моего отца, которая была практична, как железный гвоздь, в одиночку управляла Грэнмьюаром и не верила в чтение по цветам.

– Ринетт.

По забитой придворными опочивальне прокатился удивленный ропот. Неужели они слышат голос королевы, королевы, которая не говорила уже много дней?

– Она хочет видеть дочь, – сказала леди Брайант, одна из самых близких подруг королевы, приехавшая с нею из Франции и вышедшая замуж сначала за одного шотландского лорда, а после того как он скончался – за другого. – Маленькую королеву, *la reinette*¹.

– Ринетт, – повторила королева. – *La jeune floromanciere*². Пусть подойдет ко мне.

Я стояла на коленях, не шевелясь. Если я буду неподвижной, подумала я, меня не заметят.

– Нет, я думаю, она зовет юную Лесли. – Леди Брайант приблизила ухо к губам королевы. – Эту *fille farouche*³, которая предсказывает будущее по цветам.

– Да, – проговорила королева. Голос ее звучал слабо и хрипло. – Ринетт Лесли. Я хочу поговорить с ней. *Vite*⁴.

Леди Брайант устремила взгляд прямо на меня. Мне так и не удалось сделаться незаметной.

– Подойдите, дитя мое. Королева желает поговорить с вами.

Я поднялась с колен – они еле разогнулись и болели. Смогла бы я убежать отсюда? Или они остановят меня?

Конечно, остановят.

Я прошла через всю опочивальню, чувствуя, как к щекам моим приливает горячая кровь, и придворные расступались, чтобы дать мне дорогу. Во мраке их лица походили на поворачивающиеся ко мне луноцветы, круглые и белые, с черными пыльниками и тычинками вместо черт. Луноцветы, предвестники снов, пророчеств и безрассудств. Какие безрассудства ждут меня, какие пророчества, какие сны?

– Мадам, – сказала леди Брайант, – *voici la petite Leslie*⁵.

Королева открыла глаза, хитрые, все замечающие глаза Гизов. Они заглянули мне прямо в душу:

– Я знаю, ты хочешь, чтобы я умерла.

– Я была вашей пленницей три года ради блага государства. Я хочу освободиться.

– Скоро ты избавишься от меня. Но пока я все еще твоя королева.

Я присела в реверансе и громко сказала:

– Что вам будет угодно, мадам?

– Я хочу, чтобы ты предсказала будущее.

Блаженный святой Ниниан! Да осознает ли она, что все в комнате ее слышат? Опочивальня была забита протестантами, которым ведьмы мерещились на каждом углу, а что до католиков, то они повсюду готовы были видеть ересь.

– Цветы – это всего лишь развлечение мадам.

– И все же я желаю услышать твои пророчества.

Ослушаться ее было невозможно.

– Мне понадобятся цветы, мадам.

– Так принеси их.

– Да, мадам. – Я снова сделала реверанс, но не нашла в себе сил сдвинуться с места.

Леди Брайант подтолкнула меня к выходу, и я невольно попятилась; это разрушило оцепенение, которое навяли на меня близость королевы и дыхание смерти. Я стала пробираться

---

¹ Маленькая королева (*фр.*).

² Девушка, читающая по цветам (*фр.*).

³ Дикарку (*фр.*).

⁴ Скорее (*фр.*).

⁵ Вот малышка Лесли (*фр.*).

между телами коленопреклоненных вплотную друг к другу придворных, одетых в меха несмотря на жару, облаченных в шелк, увешанных украшениями из золота и драгоценных камней. Их глаза горели жадным любопытством, и они тихо шептались, прикрывая руками рты. До меня доносились отдельные, произносимые свистящим шепотком слова. Суеверие. Колдовство. Ересь. Едва выйдя из опочивальни, я подхватила свои серые камлотовые юбки и, словно испуганный дикий зверек, кинулась вниз по лестнице, выбежала вон из дворца, навстречу чистому, серебристому лунному свету, промчалась по четырехугольному двору, потом мимо караульных и, наконец, добежала до живой изгороди возле старинной часовни святой Маргариты. Здесь я опять бросилась на колени – на этот раз не почувствовав боли – и глубоко вдохнула свежий ночной воздух, напоенный благоуханием жимолости, боярышника и шиповника. Где-то там, далеко-далеко, за устьем реки, простиралось море.

Я все вдыхала и выдыхала ароматы цветов. Луна взошла выше. Я отломала ветку боярышника и несколько раз провела его бархатистыми цветками по лицу. Это успокоило меня – прикосновение лепестков всегда дарило мне покой. Я не хотела возвращаться в опочивальню королевы. Я бы просто не смогла. Королева-регентша была последним звеном, связывавшим меня с моим детством. Бабушка умерла. Двоюродная бабушка Марина умерла, мертв был и мой отец. Моя мать тоже все равно, что умерла, заживо похороненная в своем парижском монастыре.

Но мне не хотелось об этом думать.

– Мадемуазель Лесли.

Я вздрогнула и обернулась, сжав в руке ветку боярышника, и один из его шипов больно уколол мне палец.

Освещенный луной, передо мною стоял французский секретарь королевы Никола де Клерак. Он был весь одет в черное и белое, стройный, высокий, длинноногий, грациозный, как цапля; единственными цветными пятнами в его облике были сапфир в ухе и густые рыжие волосы.

– Королева желает знать, отчего вы так замешкались.

– А вы не догадываетесь?

– Догадываюсь.

Он подошел ближе и протянул руку, словно для того, чтобы помочь мне подняться с колен. На ней сверкали кольца – еще цветочные пятна: синие, зеленые, темно-фиолетовые. Как бы Александр посмеялся над этими кольцами, над изысканной утонченностью этого царедворца, над его глазами, обведенными по французской моде сурьмой и серебряной краской.

– Я вас понимаю – тяжело смотреть, как она умирает. Но у нас осталось мало времени. Соберите ваши цветы и возвращайтесь со мною к королеве.

Я так и не оперлась на его руку. Спустя несколько мгновений он опустил ее.

– Мне надо выбрать те из них, что говорят со мною. – Я подержала уколотый палец над веткой боярышника, и с него скатилась капля крови; в лунном свете она казалась черной. Боярышник означал смерть, но на умирающей королеве не было кровавых ран; может статься, кому-то еще суждено умереть?

– Как вы думаете, почему она попросила предсказать будущее? Она никогда прежде не просила меня почтить ей по цветам, за все три года ни разу.

– Не знаю, – ответил он. – Но у нее наверняка есть веская причина. Даже умирая, она остается куда хитроумнее всех лордов Конгрегации вместе взятых

Кто сам хитер, тот чует и других хитрецов, подумала я. Месье де Клерак мне не нравился – а вернее сказать, я ему не доверяла. Если бы мне пришлось выбирать цветок ему под стать, я выбрала бы паслен сладко-горький с его похожими на колокольчики лиловыми цветами, красивыми, сладкими ягодами – и таящимся в нем смертельным ядом.

Я приподняла верхнюю юбку и положила в подол пахнущую медом жимолость и темно-розовые с золотом дикие розы шиповника. Боярышник я брать не хотела, но он звал меня так настойчиво, что мне почудилось, будто его шипы колют все мое тело. Нехотя я отломилась одну ветку, потом вторую, потом еще и еще, пока мой подол весь не наполнился белыми, словно морская пена, цветами.

Ощущение покалывания прошло.

– Уже иду, – сказала я.

Он больше не предлагал мне руку. Мы вместе вернулись в опочивальню королевы. Теперь в ней было не так многолюдно, как прежде: и протестанты, и католики покинули ее; они были оскорблены просьбой королевы и не желали присутствовать при предсказании. Остались только фрейлины и месье де Клерак.

– Прошу вас удалиться, – прошептала Мария де Гиз. – А ты, Ринетт, останься.

Я почувствовала себя как олененок, попавший в силос, я боялась дышать. Месье де Клерак и дамы вышли из опочивальни; те, что расслышали просьбу королевы, шепотом передавали ее тем, кто медлил. Слышалось покашливание, новые неодобрительные перешептывания, шуршание шелковых и бархатных юбок, скрип дверных петель. Наконец, они скрипнули в последний раз, и дверь затворилась. Держа в подоле груды цветов, я преклонила колена перед креслом, в котором полулежала королева.

– Мадам, – сказала я, – я здесь, с вами.

– Это произошло... так быстро, – проговорила она. Ее лицо, руки и ноги чудовищно распухли от водянки. – У меня не было времени приготовиться.

– Мне очень жаль, мадам, – откликнулась я. Что еще я могла сказать? – Я расскажу вам, что поведают мне цветы, если это даст вашей душе покой.

– Нет. Это была всего лишь уловка, чтобы все перепугались и вышли вон. Я хочу, чтобы ты помогла мне, и это должно остаться тайной.

У меня опять перехватило дыхание. Страх сжал мне горло, сердце ушло в пятки, ноги задрожали.

– Но леди Брайант, леди Драммонд... лорд Эрскин, лорд Босуэл, месье де Клерак – они ваши друзья; они остаются вашими друзьями уже много лет, и, конечно же, вам лучше довериться им, чем мне. Я не умею хранить секреты.

– Вот поэтому я тебя и выбрала. Тех, о ком ты сказала, будут допрашивать, а на тебя, *ma fille precieuse*⁶, никто и не подумает. Придвинься ко мне поближе.

Я на коленях подползла к ней ближе и уткнулась лбом в ее руки. Когда они распухли, лекари велели срезать с ее пальцев все кольца, прекрасные кольца, которыми она так дорожила – обручальное кольцо с шотландскими королевскими львами, выгравированными на обеих сторонах великолепного бриллианта; поминальные кольца из серебра, по одному на каждого из ее четырех умерших сыновей: двоих юных де Лонгвилей, похороненных в Шато-дэне, и двоих принцев Стюартов, покоящихся в аббатстве Холируд; перстень с чудесным плоскогранным рубином на ободке, покрытом красной и желтой эмалью – фамильными цветами Гизов; кольцо-печатку с глубоко выгравированными на золоте короной и прялкой. Теперь единственными ее украшениями были четки из оникса и слоновой кости, да и те глубоко врезались в отекающую, водянистую плоть ее кистей.

– У меня есть ларец, – прошептала она. – Мне не удалось спрятать его в надежном месте. Поклянись мне своей жизнью, что вынесешь его из дворца и поместишь туда, где он должен храниться.

---

⁶ Моя дорогая девочка (*фр.*).

– Я хочу вернуться домой. – Я знала, что мои слова звучат глупо и по-детски, но я не могла остановиться. – Мне не нужен ваш ларец. Мне не нужны ваши тайны. Я хочу одного – вернуться домой, в Грэнмьюар.

– Так ты все еще ненавидишь меня, *ma petite*⁷ за то, что я привезла тебя ко двору? – Королева приподняла руку, тихо застонав от боли, которой ей стоило это движение, и нежно погладила меня по голове. – В Грэнмьюаре ты была как кость, брошенная сразу двум собакам: Роутсу и Хантли, – Лесли и Гордонам. И у Лесли, и у Гордонов есть претензии на Грэнмьюар – ты, конечно, Лесли, но твоя бабушка была урожденная Гордон, а твой Александр, пока не достиг совершеннолетия, находился под опекой Хантли.

– Вы сами даровали мне Грэнмьюар в ленное владение! – Мне ужасно не хотелось спорить с нею теперь, когда она умирала, но я ничего не могла с собой поделать. – Так же как король, ваш муж, даровал его моему отцу, а Иаков IV – отцу моего отца, и так оно продолжается уже тысячу лет.

Губы королевы дернулись в подобии улыбки.

– Нет, все же не так долго, – сказала она. – А после смерти твоей бабушки тебе было куда безопаснее жить при дворе.

– Александр бы меня защитил. Да я и сама сумела бы защитить себя. Я знаю, мадам, что вы хотели как лучше, но жизнь при дворе была для меня пыткой.

– Я тебя более не задерживаю. У меня к тебе только одна просьба; после того как ты ее выполнишь, можешь уезжать домой и сама справляться со своими трудностями – хотя должна тебя предупредить: едва меня не станет, как ты окажешься во власти Роутса, а он ни за что не позволит тебе выйти замуж за молодого Гордона.

– Я от него сбегу. И я никогда не соглашусь выйти замуж ни за кого кроме Александра.

– Что ж, пусть Господь даст тебе силы. Но, *Rinett, escoute*⁸, мое время на исходе. Я твоя королева. По моему первому мужу я твоя тетушка, и тебе известно, что я любила твою мать, как родную сестру. Ты должна сделать то, о чем я прошу. Поклянись на кресте, что все исполнишь.

Я наклонила голову и посмотрела на цветы, которые собрала при свете луны. Боярышник – знак смерти, обрызганный кровью и обвитый жимолостью. Вьющаяся жимолость – сеть, силок, шепчущая:

– Ты должна остаться здесь, связанная этими узами, и сделать то, о чем она просит. – Роза шиповника, такая благоуханная, лежащая отдельно от остальных цветов. Значит, впереди у меня свобода и счастье, если я последую совету цветов: переживи эту смерть – и не думай о крови, тут крови нет, так чью же смерть предвидит боярышник? – дай клятву и прими грядущее счастье.

Я поцеловала распятие королевы и нетвердым голосом сказала:

– Я клянусь, что все исполню, мадам.

– В моей молельне. – Королева чуть заметно повернула голову. – Над скамеечкой для коленопреклонения. Там есть шкафчик. Ларец в нем.

Я подняла голову и посмотрела в ту сторону. Над скамеечкой, под полкой для молитвенника и в самом деле был шкафчик – две дверцы с вырезанными на них крестами с двумя перекладинами – символами Лотарингского дома. От ужаса у меня по спине пробежали мурашки, но я уже дала обет и должна была его исполнить. Я встала с колен, подошла к скамейке и, снова опустившись на колени, протянула руку к створкам шкафа. Они были закрыты на позолоченные щеколды. Я открыла их.

---

⁷ Малышка, моя девочка (*фр.*).

⁸ Послушай (*фр.*).

Внутри я нащупала продолговатый ящичек из полированного металла со слегка выпуклой крышкой, украшенной чеканкой, похожей на множество искусно вышитых лент. На ощупь я определила, что он был что-то около фута длиной, может быть немного короче, с двумя маленькими ручками на более длинных боках, петлями на одном из коротких и замком на другом. Вынув ларец из шкафа, я увидела, что он сделан из серебра с позолоченными краями и такими же золочеными чеканными украшениями. На каждой из его четырех сторон была в древнеримском стиле выгравирована буква F, а над нею – корона.

– Он у меня, мадам. – Я отнесла ларец к креслу королевы, снова встала на колени и вложила его в ее руки. – Это святые мощи, мадам, чтобы вы обрели мир в душе?

– Это не мощи, *ma petite*, но мне и впрямь спокойнее, когда я держу его в руках, пока во мне еще теплится жизнь, чтобы охранять его, и знаю, что ты отнесешь его туда, где ему надлежит находиться.

Я провела кончиками пальцев по изображающим охоту картинкам, выбитым на боку ларца. В мерцающем свете свечей казалось, будто фигурки на них движутся.

– У вас есть ключ, мадам? Хотите, я его открою?

Голос королевы зазвучал тише.

– Да, у меня есть ключ, но я не хочу, чтобы ты его открывала. То, что в нем лежит, предназначено только для глаз моей дочери. Они все пытались выкрасть его – Джеймс Стюарт, лорды Протестантской Конгрегации, Хантли с его католиками, англичане, французские агенты этой твари Медичи⁹. Ты должна спрятать его, *ma petite*, где я тебе скажу, потому что после моей смерти они опять попытаются выкрасть его. И если когда-нибудь настанет день, когда моя дочь вернется в Шотландию, ты должна будешь отдать его ей, как только она ступит на шотландскую землю.

– Вы пугаете меня, мадам.

Королева сжала мое запястье. Как ни слаба она была, пожатие ее руки было крепким; обвитые вокруг ее ладони четки впились в мою кожу.

– Я знаю, ты умна. Ты сумеешь их перехитрить. Тебя никто не заподозрит, и для всего света ларец просто исчезнет. Ключ от него висит на цепочке у меня на поясе в украшенной драгоценными камнями коробочке, похожей на ковчежец для мощей. Возьми его и положи туда же, куда ты положишь ларец.

Прозвучавшая в этих словах горячность как будто подточила ее силы, и она, задыхаясь, откинулась на подушки. Я поискала среди висящих на ее поясе ножниц, игольников и футляров для ароматических шариков и, наконец, нашла золотую, усыпанную дорогими камнями коробочку длиной с мой указательный палец. Разъяв ее две половинки, я увидела внутри серебряный ключ, укрепленный в зажиме, чтобы не звякал при ходьбе.

– Мадам, ключ у меня.

– *Von*¹⁰. Место, в котором должен храниться ларец – часовня Святой Маргариты, где она когда-то молилась. Там, под полом, есть потайной подвал – о нем никто не знает, потому что аббат Данфермлайна, где была похоронена святая Маргарита, никогда никому о нем не говорил.

Она задохнулась и умолкла.

– Потайной подвал? – повторила я. В моей душе невольно проснулось любопытство. – Но как я смогу туда попасть?

---

⁹ Имеется в виду Екатерина де Медичи (1519–1589) – французская королева, жена короля Генриха II, королева-регентша при своем старшем сыне – Франциске II, жене юной королевы Шотландии Марии Стюарт. В царствование своих сыновей Карла IX и Генриха III играла ключевую роль во французской политике. Была одним из организаторов Варфоломеевской ночи в 1572 году. Плела интриги, имела репутацию отравительницы.

¹⁰ Хорошо (*фр.*).

– Через подземный ход, – еле слышно, задыхаясь, произнесла королева. – Из подвалов под большим залом дворца. Камин в зале – панельная обшивка слева – отсчитай двенадцать от пола и четыре от края каминного проема и найди знак креста – сойди вниз – следуй за крестами. Никому об этом не рассказывай, Ринетт. Никому никогда ...

Ее голос прервался. Она попыталась вдохнуть, но не смогла. Ее лежавшие на ларце руки бессильно упали. Меня охватила паника. Что же мне делать? Я должна позвать остальных, и они все бросятся в опочивальню. Как же мне вынести ларец, ведь все пожелают им завладеть и будут искать его? Он слишком велик, чтобы спрятать его в рукаве или под юбкой.

Королева больше не дышала. Она так и осталась сидеть в кресле, глаза ее были полужакрыты, а губы чуть приоткрыты, как будто для того, чтобы произнести еще одно слово. Но Мария де Гиз, королева и королева-мать, регентша Шотландии, уже никогда ничего не скажет. Никогда.

Я не думала, что заплачу, однако почувствовала, как на мои глаза навернулись слезы и потекли по щекам. Думай, думай! Ведь должен же быть выход!

Они станут искать ларец, закрытый, запечатанный и спрятанный – но не открытый и наполненный цветами – засыпанный цветами-орудиями колдовства и уносимый у них на глазах...

«Я не хочу, чтобы ты его открывала. То, что в нем лежит, предназначено только для глаз моей дочери».

«Я знаю, ты умна. Ты сумеешь их перехитрить».

Я отперла ларец. Даже мои трясущиеся руки легко повернули ключ в замке – должно быть, сама королева часто его отпирала. Крышка откинулась назад. Я собрала с пола цветы: ветки боярышника и шиповника – и засыпала ими ларец... Лишь мельком я увидела его содержимое – книгу со страницами, сшитыми черной ниткой, пачку сложенных бумаг в сетке из алого шнура, запечатанной таким же алым воском. На бумагах было что-то написано порыжелыми от времени чернилами. Цветы закрыли все. Я спрятала среди них и усыпанную драгоценными камнями коробочку, и серебряный ключ. Затем я обвила все охапкой жимолости, так что вьющиеся концы свисали до самого пола и волочились по нему.

Вскочив на ноги, я закричала:

– Королева умирает!

Леди и лорды и протестантский пастор мастер¹¹ Уиллок влетели в комнату, точно стая бакланов, бросая во все стороны зоркие взгляды и вождедая новостей. Я стояла неподвижно, держа перед собою, словно щит, засыпанный цветами ларец. Конечно же, это просто ток воздуха от всех этих вбегающих в опочивальню людей заставляет плети жимолости взлетать и завиваться. Конечно же, это просто из-за стоящей тут жары кажется, будто розовые бутоны боярышника распускаются у меня на глазах и превращаются в звездообразные белые цветы.

Рядом со мною прошел мастер Уиллок, и вьюнок жимолости зацепился за его рукав. Он отбросил его прочь, как будто то была змея.

– Уходи отсюда, девушка, – бросил он. – Тебе с твоим фиглярством здесь не место.

Я опустила голову и смиренно присела в реверансе. В комнату вошел лорд Джеймс Стюарт, затем графы Аргайл и Роутс. Они не стали делать вид, будто скорбят о королеве, а сразу направились к молельне и начали шарить в шкафу над скамеечкой для молитвы. Пока что у графа Роутса были более важные заботы, чем судьба одной незамужней девицы Лесли и ее замка у моря.

Я начала медленно продвигаться к двери. Придворные на моем пути отшатывались от меня, чтобы случайно не прикоснуться к цветам. Мельком я заметила, как лорд Босуэл и Никола де Клерак спорят о чем-то с лордом Джеймсом и графами, стоя рядом со скамеечкой,

---

¹¹ Господин. В современном английском языке вместо master (мастер) употребляется слово mister (мистер), сокращенно Mr.

на которой молилась бедная королева. Слышались злые, громкие голоса. Босуэл ругал лорда Джеймса по-шотландски и по-французски. Это было как раз то, что нужно, чтобы отвлечь внимание от меня.

– Королева мертва, – возгласил мастер Уиллок. – И с нею в Шотландии умерло идолопоклонство.

Я еще крепче прижала серебряный ларец к себе и подумала:

– Да примет Господь вашу душу, мадам! Я отнесу ваш ларец в часовню Святой Маргариты, а потом покину двор навсегда. – Никто так и не заметил ларец под грудой цветов.

Глава вторая

Я не выполнила своего обещания отнести ларец королевы в потайной подвал под часовней Святой Маргариты. Во всяком случае, в ту ночь.

Вместе со мною при дворе жили мои домочадцы: моя тетушка Марго Лури, единотрубная законная сестра моей матери, которую я называла Tante Mar, и моя горничная Дженет Мор, дочь кастиеляна Грэнмьюара и моя ровесница. Они были совершенно не похожи. Дженет была высокой, крепкой, веснушчатой и всегда говорила то, что думает; тетя Мар была крошечного роста, хрупкой, ее горячая приверженность правилам хорошего тона не знала границ, и она всегда, как мне кажется, старалась хоть в чем-то сравняться с моей аристократической матерью, внебрачной дочерью герцога де Лонгвиля. Я никогда не встречалась с Аньес Лури, моей французской бабушкой с материнской стороны, фермерской женой, ненадолго приглянувшейся герцогу, но подозревала, что моя мать была похожа на нее – ослепительно красивая, страстная и посвятившая себя лишь одному существу в целом свете – моему отцу, Патрику Лесли из Грэнмьюара. После его смерти в конце того страшного года в Париже я как будто перестала для нее существовать. Она исчезла в Монмартрском монастыре в Париже, чтобы провести остаток жизни в молитвах за его душу, а я была оставлена на попечение королевы-регентши и тетушки Мар, которая любила меня куда больше, чем моя мать, и ради меня переехала в Грэнмьюар.

Я едва успела войти в свою крохотную комнатку и только начала рассказывать тете Мар и Дженет о смерти королевы, как входная дверь у меня за спиной распахнулась под мощным ударом снаружи и с грохотом ударилась об стену.

Тетушка Мар закричала, Дженет уронила единственную в комнате свечу, и та покати-лась по полу, бросая причудливые отблески на лицо человека, стоящего в дверном проеме. Несколько мгновений он походил на демона из ада, но вот свеча погасла, и при свете маленького камина стало видно, что это обыкновенный воин, краснолицый со сплюснутым носом, одетый в ливрею графа Роутса.

Тетушка Мар схватилась за свои четки. Дженет уставилась на пришельца, раскрыв рот. Я поставила ларец и скрывающие его цветы на стол. К столу был придвинут высокий трехногий табурет.

– Граф Роутс желает, чтобы леди Марина Лесли была сей же час приведена обратно наверх, – сказал солдат и положил руку на эфес своей шпаги. – Чтобы, значитца, защитить ее. Это вроде как вы, миледи?

Я ухватила табурет за ножку, размахнулась и что есть сил ударила его по голове. Он свалился без чувств.

– Sainte Mere de Dieu¹², Ринетт! – вскричала тетушка Мар. – Ты что, сошла с ума?

– Вовсе нет, – отвечала я. – Соберите свои вещи, все, что хотите сохранить. И все деньги, которые у нас есть. Мы уезжаем в Грэнмьюар, и у нас мало времени на сборы, потому что граф скоро пошлет сюда еще людей. Где Уот?

Практичная Дженет опустила на колени около лежащего без сознания воина и принялась связывать его запястья и лодыжки шнурками, которыми завязывались на бедрах его собственные высокие сапоги.

– В конюшнях, – коротко ответила она и, резво вскочив на ноги, начала собирать узлы из своей и моей одежды. – Вы хотите, чтобы я завязала с вашими вещами и этот чудной ларец?

---

¹² Мать Пресвятая Богородица (фр.).

Я отдала его ей – у меня не было времени для потайных крестов и подвалов, и разве Грэнмьюар не такое же надежное место? – и закутала бедную дрожащую от страха тетушку Мар в ее самую теплую накидку. Я взяла узел с ее вещами, потом завернулась в свой плащ.

– Дженет, ты готова?

– Да.

И мы втроем побежали к конюшням. Они располагались за внутренним двором и воротами, и бедная тетя Мар уже наполовину лишилась чувств, когда мы с Дженет подтащили ее к сплетенной из прутьев и обмазанной глиной хижине конюхов и громко постучали в закрытую дверь.

– Уот! – крикнула я. – Уот Кэрни!

Он отворил сразу – он тоже не спал, ожидая, когда Мария де Гиз умрет. Уот, крепкий, с всегда – и летом и зимой – загорелым лицом, вырос вместе со мною и был мне почти как брат.

– Как королева? – спросил он.

– Умерла. *Requiescat in pace*¹³. – Я перекрестилась, Дженет и Уот сделали то же самое. Бедная тетушка Мар только втянула ртом воздух, засопела и еще крепче стиснула в руке свои четки. – Роутс хочет сейчас же забрать меня с собою. Нам надо бежать в Грэнмьюар.

– Она уже треснула по башке одного из солдат графа, – сообщила Дженет – То ли еще будет.

– Я сейчас оседлаю лошадей. – Слава Богу, Уот был так же практичен, как и Дженет. Их семьи служили роду Лесли из Грэнмьюара многие поколения, и их обоих трудно было удивить.

– Дженет, возьми Лилид, – велела я. Лилид, названная так в честь благоуханных лилий, что росли в окрестностях Грэнмьюара, была моей собственной кобылой, наполовину андалузской породы, и самой быстрой лошадей в графстве Эбердин. – Скачи в Глентлити, расскажи все Александру – и попроси его как можно быстрее приехать в Грэнмьюар.

– Хорошо.

– Уот, посади Tante Mar у себя за спиной на седельную подушку – одна она не доедет, да и кроме Лилид у нас есть еще только две лошади. Довольно и того, что граф Роутс снарядит за нами погоню, так что нам ни к чему, чтобы еще и эдинбургский шериф начал преследовать нас за конокрадство.

Дженет была уже в седле. Лилид вскинула голову и тихо заржала.

– Мы не сможем защитить Грэнмьюар от людей графа, – сказала моя камеристка. – У молодого мастера Александра нету солдат, а у вас есть только Уот, мастер Норман и Робине со своими мальчиками.

– Мне не нужны солдаты, – возразила я, садясь верхом, по-мужски, на туповатого гнедого коня и подтыкая под ноги свои юбки. Слава Богу, серый камлот был достаточно толст и прочен. – Довольно будет и отца Гийома.

– Этого старого священника? Вы, что же, думаете, будто его молитвы отгонят от нас войско графа?

Уот тоже уже сел на своего мерина; тетушка Мар сидела у него за спиной и крепко держала его за талию. Он повернул мерина, и наши лошади, звонко стуча подковами по булыжной мостовой, поскакали к воротам Фугз. Дорога, ведущая к подножию утеса, на котором стоял Эдинбургский замок, была крута и опасна, и мы ехали молча, чтобы не отвлекать лошадей.

– Мне нет нужды отгонять их с помощью молитв, – сказала я, когда мы съехали вниз. Я ударила гнедого каблуками, пустив его в легкий галоп, и при свете луны мы все трое в ряд проскакали по Вест-Боу потом через находящуюся в низине рыночную площадь. У западных

---

¹³ Да покоится она с миром (лат.).

ворот дорогу нам преградил стражник; я бросила ему монетку, и он отворил ворота. – Мне достаточно обвенчаться с Александром. Тогда ни Роутс, ни Хантли уже никогда не будут иметь власти ни надо мною, ни над Грэнмьюаром.

Мы добрались до Грэнмьюара через три дня. Дженет и Александр прибыли днем позже; солнце уже садилось за лес, когда они, наконец, выехали из-под сени деревьев и стрелой промчались по дороге, идущей по гребню скалы, которая соединяет Грэнмьюар с основной частью острова. Я узнала его сразу – Александра, моего Александра – по тому, как в лучах солнца его волосы отливали червонным золотом, золотом желтого ириса, от которого брали свое начало геральдические лилии, цветка государей, красоты и света. Он скакал, слившись в одно целое со своим длинноногим испанским жеребцом. Никто не умел так ездить верхом, как Александр Гордон.

Других всадников не было. Никакой погони. Во всяком случае, пока.

Я со всех ног побежала к сторожке у ворот. Пока всадники с грохотом въезжали в них, юный Дэйви Мор размахивал сине-золотым знаменем Лесли из Грэнмьюара и громко выкрикивал приветствие по-гэльски¹⁴. Перед моими глазами мелькнул забрызганный грязью белый лошадиный бок – это Лилид скакала иноходью вслед за жеребцом Александра в то время, как Дженет Мор изо всех сил натягивала поводья, чтобы остановить ее. Несколько мгновений вокруг меня повсюду цокали подковы, высекая искры из каменных плит двора, взмыленные лошади вскидывали головы, разбрызгивая клочья пены. Александр скинул с ног стремя и одним ловким движением, точно акробат, соскочил с седла. Я бросилась в его объятия.

– Александр! – закричала я. – Александр, Александр, любимый...

Он запечатал мне рот поцелуем, потом целовал еще и еще – крепко и жарко. От него исходил запах пота, и мужского естества, и радостного возбуждения. Ослепленная, я обвила его руками и прильнула к его груди.

– Они уже близко, – сказал он. – Воины Роутса. Священник готов?

– Он уже в церкви. Бежим скорее!

Держась за руки, как дети, мы побежали к церкви, за нами припустилась Дженет Мор, крича конюхам, чтобы позаботились о лошадях. Тетушка Мар и Уот Кэрни ожидали нас у входа в храм, чтобы быть свидетелями наших брачных обетов. Оставшийся у ворот Дэйви Мор крикнул нам вслед:

– Едут всадники под знаменем графа Роутса! Все десять, а то и двенадцать! Приближаются очень быстро!

Мы все четверо протиснулись в церковь. Уот Кэрни затворил двери – доски, из которых они были сколочены, были достаточно толстыми, однако ветхими, и сквозь щели между ними внутрь просачивался свет. Выдержат ли они? Уот придвинул к дверям тяжелую скамью. Отец Гийом зажег на алтаре две свечи и выложил свою епитрахиль и требник. Аромат пчелиного воска и древней намоленности внутри маленького каменного храма был много сильнее, чем любой фимиам. Моя веселость сменилась благоговейной серьезностью.

– Не такой свадьбы хотела я для тебя, *ma douce*¹⁵, – вздохнула тетушка Мар. В ее глазах стояли слезы. – У тебя нет ни подходящего платья, ни фаты, ни торжественной свадебной процессии, ни подружек невесты, которые бы тебе помогали. Но гляди – я принесла тебе немного кружева – оно принадлежало твоей матушке. И еще ее украшения из бирюзы. Бирюза охранит тебя от зла, а в новолуние...

---

¹⁴ Гэльский язык – язык шотландцев кельтского происхождения.

¹⁵ Моя душечка, моя голубка (*фр.*).

– Мне не нужно ничего, что принадлежало ей, – перебила я тетушку Мар. – Как ей была не нужна я. – Чтобы немного смягчить эту жестокую правду, я крепко обняла тетю за плечи. Косточки у нее были тоненькими и выпирали, как у птицы.

– Подойдите ближе, *mes enfants*¹⁶.

Отец Гийом был крошечный, хрупкий человечек; его сутана и стихарь были сотканы из некрашеной шерсти овец Грэнмьюара. Те немногие волосы, что окружали его тонзуру, были того же цвета, вьющиеся и жидкие.

– Я готов. Месье Александр, у вас есть кольцо?

– Есть вот такое. – Александр снял с указательного пальца массивное золотое кольцо со своей печаткой, на которой были выгравированы три головы вепрей – герб Гордонов и ствол дерева, разрубленный на пять частей, олицетворяющий его поместье Глентлити. – Оно будет немного велико моей жене, но придется...

В дверь неистово замолотили кулаками и ногами. Снаружи донесся топот тяжелых сапог, потом грубый крик:

– Эй, там! Отворите!

Уот Кэрни взгромоздил на первую скамью еще и вторую.

– Я буду держать дверь, сколько смогу, Ринетт, – сказал он. – Венчайтесь, и лучше бы побыстрее.

– О Александр! – я сжала его руки и со всей страстью поцеловала кольцо. – Любимый мой, мне все равно, что оно велико; мне не надо другого. Спасибо. Я люблю тебя.

– Потом я велю сделать для тебя настоящее обручальное кольцо, с сапфирами и жемчугами, олицетворяющими реку Тэй, что протекает под Глентлити.

В дверь церкви теперь колотили дубинкам и рукоятками шпаг. Кто-то крикнул:

– Они ее забаррикадировали! Тащите сюда таран!

Отец Гийом поцеловал епитрахиль, повесил ее себе на шею и взял с алтаря требник. Его руки дрожали.

– Александр Гордон и Марина Лесли, – начал он громко, стараясь перекричать доносящийся из-за двери шум. – Явились ли вы сюда по доброй воле и с чистой душой, дабы соединиться узами брака? Каждому из вас надлежит ответить отдельно.

– Да, – сказала я. Я почувствовала, что любовь переполняет меня всю, до самой макушки, и сияет, как солнце, на моем лице. Я еще крепче стиснула руки Александра.

– Да, – сказал он.

– Будете ли вы любить и почитать друг друга до самой смерти?

– Да, – одновременно сказали мы.

Раздался оглушительный удар и треск ломаемого дерева. Тетушка Мар закричала и отбежала в стене. Я вздрогнула. Александр выронил кольцо; я лишь в последний момент успела подхватить его.

– Соедините правые руки, – сказал отец Гийом, – и объявите о вашем согласии перед лицом Бога и Его Церкви. Скорее, *mes enfants*!

– Я беру тебя в мужа, – проговорила я, крепко сжимая кольцо в левой руке. Были еще слова, которые надлежало сказать – «в радости и в горе, во здравии и в болезни, на ложе и за столом» – но для них времени уже не было. К тому же зачем они? Все это содержалось в слове муж.

Александр тяжело дышал.

– Я беру тебя... – начал было он.

Снова оглушительный треск дерева – и двери церкви разлетелись в щепки. В Уота Кэрни попал обломок доски и он свалился без чувств. Мы с Александром одновременно

¹⁶ Дети мои (*фр.*).

обернулись – наполовину обвенчанные (о, святой Ниниан, защити нас; дай нам еще всего лишь несколько секунд!), – чтобы твердо встретить солдат.

– Это дом Божий, – промолвил еле слышным голосом отец Гийом. – Выйдите вон сей же час, не то я отлучу вас от церкви.

– Мне плевать на эту папистскую дребедень. – Один из воинов вошел в церковь, топч сапогами остатки дверей; он был смугл, черноволос, грубо скроен, со зверским лицом – и к тому же грязен и небрит. Так же грязен и небрит, как и Александр, – подумала я, – но Александр все равно похож на ангела. Между бровей предводителя солдат залегла глубокая складка, как будто он все время хмурился.

– Мы явились сюда от имени и по поручению графа Роутса, главы клана Лесли, чтобы взять под нашу защиту его вассала, леди Марину Лесли. Не мешайте нам выполнять приказ, и никто не пострадает.

– Защиту?! – воскликнул Александр, выхватывая кинжал с обсыпанной драгоценными камнями филигранной рукоятью. Он был так высок и изящен, и золотоволос рядом с коренастым, чересчур мускулистым, неуклюжим солдатом, что от его красоты у меня защемило сердце. – Здесь больше подошло бы другое слово – «похищение»! Я – Александр Гордон из Глентлити, близкий родич графа Хантли, и эта леди обручена со мной. Только посмейте тронуть ее!

Несколько мгновений чернявый солдат смотрел на Александра. В маленькой церкви царил мертвая тишина. Потом чернявый звенящим, хорошо заученным, привычным движением выхватил из ножен шпагу, простой, прочно выкованный стальной клинок без драгоценных камней на эфесе, никак не украшенный, и направил его острие прямо в сердце Александра. Тусклый свет заката, льющийся сквозь разломанную дверь, окрасил сверкающий клинок кроваво-красным.

– Я Рэннок Хэмилтон из Кинмилла, и хотя я и прихожусь родней жене графа Роутса, я бы не назвал это родство близким, – сказал чернявый. В его голосе звучала издевка. – Я посмею. И десять человек, что стоят за мной, тоже очень даже посмеют. Брось свой кинжал, парень.

Я почувствовала, как рука Александра задрожала. Одиннадцать человек, подумала я. Одиннадцать воинов со шпагами против Александра, вооруженного одним лишь кинжалом. Уот лежит в беспомощности. Тетя Мар и отец Гийом перепуганы и слабы. Александр, любовь моя, не сдавайся, не сдавайся! Я сжала в кулаке его кольцо, словно этим могла придать ему силы и мужества.

Кинжал со звоном упал на пол. Один рубин-кабошон¹⁷ отлетел от рукояти и заскользил по истертым камням, точно сверкающая божья коровка.

– Хорошо. – Чернявый вложил свою шпагу в ножны так же привычно и небрежно, как прежде достал ее из них. – А теперь, миледи, мы попросим вас предоставить нам еду, эль и место для ночлега, а завтра утром вы поедете с нами обратно в Эдинбург.

– Нет, не поеду.

В ушах у меня стучала кровь, руки заледенели. В левом кулаке я все еще сжимала кольцо, но золото тоже вдруг сделалось холодным. Александр не виноват, думала я. Он один против них всех. Я люблю его. Он не виноват.

Я вскинула голову и выступила вперед. Я хотела улыбнуться, но вместо улыбки мои губы раздвинулись в оскале, как у дикого зверя. Я устремила немигающий взгляд прямо в глаза Рэннока Хэмилтона из Кинмилла – и увидела в них одну только черноту. В его взгляде мерцала жестокость, похотливость и животное себялюбие.

---

¹⁷ Кабошон – драгоценный или полудрагоценный камень, отшлифованный без придания ему граней, в форме полусферы, сильно выпуклой с одной стороны.

Когда я, наконец, заговорила, то не узнала свой собственный голос.

– Я – хозяйка Грэнмьюара по праву рождения, и к тому же получила его в ленное владение от королевы. Так что граф Роутс не имеет здесь никакой власти.

– Королева умерла, – сказал Рэннок Хэмилтон. – Теперь ваше дарованное ею ленное право ничего не значит.

Я знала, что он скажет, и заранее приготовила ответ.

– Тогда я прошу убежища в этом святом месте во имя Бога и Господа нашего Иисуса Христа и святого Ниниана, который построил этот храм своими собственными благословенными руками.

Стоящие перед выломанными дверями солдаты глухо зароптали и начали смущенно переминаться с ноги на ногу. Сколько бы лорды Конгрегации ни убеждали себя, что поставили старую веру вне закона, сердца и души людей не могли так скоро измениться. Эти солдаты никогда не нарушат неприкосновенность убежища в Божьем храме. Опасность представлял только их командир.

– Святой Ниниан для меня никто, – бросил Рэннок Хэмилтон. Голос его звучал жестко. – У меня есть приказ. Вы поедете в Эдинбург, миледи, хотите вы того или нет.

Он сделал шаг вперед, нарочно отшвырнув носком сапога валяющийся на полу кинжал Александра. Александр и отец Гийом попытались. Тем временем тетушка Мар отошла от стены, приблизилась к тому месту, где лежал Уот Кэрни, и попыталась привести его в чувство. Он зашевелился и приподнял голову – слава Богу, он не погиб. Меж тем я продолжала стоять на своем, и от усилия, которого мне это стоило, у меня кружилась голова.

– Так вы что же, свалите меня с ног? Свяжете меня и заткнете мне рот, точно преступнице? Потому что вам придется все это проделать, Рэннок Хэмилтон из Кинмилла! По доброй воле я никогда не выйду из этой церкви. Я потребовала убежища перед Божьим алтарем – и я его получу.

– Мне плевать на вашего папистского Бога. Мне уже случалось связывать женщин и затыкать им рты, и я с удовольствием сделаю это опять.

Он сделал еще один шаг вперед. Я не сдвинулась с места.

– Вы не боитесь Бога? Тогда бойтесь древних богов, которым пикты¹⁸ поклонялись на этом самом месте до прихода христиан. Среди них есть бог моря, который вас утопит, если вы дотронетесь до меня, и чудища с острыми зубами и когтями, которые пожрут ваши глаза. Есть и бог этой скалы, который велит своим утесам содрать мясо с ваших костей.

– *Ma fille, ma fille!*¹⁹ – Стоящий за моей спиной отец Гийом дергал меня за рукав. В его голосе звучали слезы. – Не говорите такие ужасные вещи!

– Мне плевать на всех богов, – сказал Рэннок Хэмилтон, уже не столь уверенно, как прежде. Солдаты, стоявшие за его спиной, один за другим ускользали прочь.

– Тогда бойтесь богинь. – Я была так же напугана, как и остальные, но я бы скорее умерла, чем позволила этому мужлану увидеть мой страх. Единственными известными мне богинями были добрые духи цветов, но даже добрые духи становятся опасными, когда им угрожают. – Вам доставляет удовольствие связывать женщин? Ну, так Зеленая Дама Грэнмьюара придет к вам, когда вы будете спать, и вьющейся жимолостью обовьет ваш член и яйца и будет затягивать вокруг них петлю все туже и туже, покуда они не почернеют и не отвалятся.

Рэннок Хэмилтон невольно перекрестился.

---

¹⁸ Пикты – группа кельтских племен, населявших Шотландию. Были завоеваны скоттами и смешались с ними.

¹⁹ Дочь моя, дочь моя! (фр.)

– Ага! – Я чуть не завопила от ликования. – Вы смеете осенять себя крестным знаменем, словно вы все еще католик, и в то же время отказываете мне в праве на убежище в этом храме?

Он покраснел. Как и большинство остальных сторонников лордов протестантской Конгрегации, он был рожден и воспитан как католик, и его протестантизм оставался тонким налетом на инстинктивном следовании обычаям старой веры. Он обернулся, чтобы посмотреть, заметили ли солдаты его запретный жест, и обнаружил, что все они убралась прочь. По доносящимся издали звукам: стуку подков и звяканью удил – было ясно, что они уже скачут по скальному перешейку, подальше от церквей и богов и своевольных женщин, смеющих требовать убежища от своего собственного имени.

– Что ж, пользуйтесь своим правом убежища пока, – выдавил из себя он. В его темных глазах горели угрожающие огоньки, а складка между бровей сделалась такой глубокой, точно ее прорезали ножом. – Но знайте – мы еще не сказали своего последнего слова. В конце концов граф Роутс завладеет вашим проклятым, торчащим из моря утесом, миледи, и когда вас поведут на костер за ваши еретические речи, я буду стоять в толпе и с наслаждением провожу вас в ад.

Он повернулся и вышел из церкви. Я слышала, как он подзывает своего коня. И тут меня разом оставили и весь мой гнев, и все силы. Я повернулась и кинулась в объятия Александра.

– Давай закончим венчание! – Я заплакала. – Заверши все сейчас, любовь моя, и больше не покидай меня никогда-никогда!

Он обнял меня, но я почувствовала, что он словно бы отдалился. Я подняла на него взгляд; лицо его было белее полотна. Стоящий за ним отец Гийом согнулся в три погибели и задыхался, как будто кто-то сильно ударил его в грудь.

– Прости меня, – проговорил Александр. – Я должен был... должен был... – Похоже, он не знал, что должен был сделать.

– Нет! О нет, нет, Александр, любимый! У него было десять солдат. Они бы убили тебя. Только я могла поговорить с ними и перехитрить их – потому что я женщина. Им нужна была я – и они не осмелились поднять на меня руку.

Его бледное лицо немного порозовело.

– Ты женщина, – медленно вымолвил он. – Конечно, они не посмели тебя тронуть. Я обнажил против них свой клинок. Я не виноват, что у меня был только кинжал, а у него – шпага и десять воинов.

Я вдруг осознала, что все еще сжимаю в кулаке кольцо Александра. Я взяла его за руку и вложила кольцо обратно в его ладонь.

– Возьми его, – сказала я. – Отец Гийом?

– Ma fille, – дрожащим голосом промолвил старый священник, – солдаты уехали. Нам больше незачем торопиться. Сначала я хочу выслушать твою исповедь и наложить на тебя епитимью – ибо ты совершила смертный грех, когда наговорила тому человеку такие страшные вещи.

– Но этим я спасла нас! – Я была удивлена и обижена, ведь мне хотелось только одного – стать женою Александра, сейчас и навсегда. – Я же спасла нас всех!

– И все равно, ты не можешь венчаться, покуда не исполнишь епитимью.

– Он прав, Ринетт. – Александр вновь стал самим собой – высоким, прекрасным и исполненным горделивой уверенности в своих силах. – Любовь моя, исповедайся и исполни епитимью, и мы все это забудем. Поверь мне, ты не сможешь стать хорошей супругой, пока... пока в голове у тебя есть такие мысли.

Я в изумлении уставилась на них, на мгновение потеряв дар речи. Разве они могли быть неправы – старый святой отец, который крестил меня и совершил надо мною обряд

конфирмации, и прекрасный юноша, которого я всем сердцем любила? Что они сделают, что обо мне подумают, если я откажусь?

– Я согласна, – сказала я, – потому что единственное, чего я хочу в этой жизни, единственное, чего желаю с тех пор, как мне исполнилось двенадцать лет, – это стать твоей женой.

Александр поцеловал меня в лоб и снова надел кольцо себе на палец.

– Тогда мы обвенчаемся завтра, – сказал он. – Отец Гийом?

– Да, завтра. Пойдем, дочь моя.

Я набожно сложила руки и, приняв смиренный вид, последовала за священником. Я люблю тебя Александр, думала я. Ради тебя я сделаю все, что угодно. Но все равно – именно я спасла всех нас!

Глава третья

Той ночью, стоя на коленях на холодных каменных плитах церкви святого Ниниана, я исполнила наложенную на меня епитимью, держа перед собою вытянутые, дрожащие от напряжения и усталости руки и сто раз произнося «Отче наш». Старый отец Гийом смягчил бы условия епитимьи, если бы я заплакала и попросила его, но я не желала просить, потому что ни о чем не жалела. Напротив, я была горда тем, что совершила. Именно я заставила наших врагов убраться из Грэнмьюара и теперь была готова за это платить.

И я была вознаграждена, вознаграждена полной мерой, когда на завтра мы с Александром, наконец, обвенчались под доносящий сквозь пролом в дверях церкви нежный шелест морских волн, в присутствии всех обитателей Грэнмьюара, свидетелей нашего брака: конечно же, там была и моя тетушка Мар, и ее двоюродный брат Робине Лури, который приехал вместе с нею из Франции и стал комендантом моего замка, и моя милая Дженет вместе со своим отцом, кастеляном²⁰ Грэнмьюара Норманом Мором, его женой Бесси и младшим братом Дженет, юным Дэйви; пришел и Уот Кэрни с повязкой на лбу, точно у какого-нибудь пирата. Я представила себе, что среди них, окутанные тенью, стоят и моя бабушка, прямая, как кочерга, и моя любимая двоюродная бабуля Марина с охапкой анемонов в руках, и мой отец, красивый, темноволосый, смеющийся, с глазами цвета моря, глазами Лесли, такими же, как у меня.

Мои роскошные придворные наряды из шелка и кружев остались в Эдинбурге, и на мне было надето закрытое платье из сине-зеленой флорентийской саржи и под ним – всего одна нижняя юбка. Ради тетушки Мар – и только ради нее – ибо по своей матери я нисколько, ни чуточки не скучала, я покрыла голову оставшейся после нее кружевной фатой и вплела в волосы, так, что оно свешивалось на лоб, ее бирюзовое ожерелье. Интересно, почувствует ли она в своем монастыре далеко-далеко в Париже, что рядом со мною незримо присутствует мой отец?

Потом мы устроили пир. В большой зал замка были приглашены все жители расположенной на большом острове деревушки Грэнмьюар, чтобы отведать жаренной на вертеле баранины, пирогов со свининой, жаркого из цыплят и обжаренных в кипящем масле, а затем тушеных на медленном огне щук в пряном и сладком соусе с корицей. Мы весело плясали под звуки арфы и свирелей – не чинные и манерные придворные танцы, а разудалые деревенские: джиги и рилы²¹.

А после, когда на небе взошла луна, мой муж – мой муж! – и я поднялись по старой винтовой лестнице в спальню на самом верху Русалочьей башни – северо-восточной башни замка Грэнмьюар. Это было так непохоже на виденные мною придворные свадьбы – ни пышных процессий, ни непристойных шуток и песен, ни гомонящих дам и их кавалеров. Только мы, мы двое. Мы раздели друг друга – медленно, так медленно. Ставни были распахнуты навстречу морю, звездам и благоуханной темноте теплой июньской ночи.

– Александр, – прошептала я, – мой любимый...

Он был прекрасен. Может ли мужчина быть прекрасным? Александр Гордон был именно таков. Он был похож на архангела, в звездном свете его золотистые волосы казались отлитыми из серебра, его плечи были широки и изящны, под гладкой кожей рук и груди переплетались гармонично очерченные мышцы. Но ни один архангел никогда не был таким нагим. И ни один архангел не был таким великолепно мужественным.

– Тебе нравится смотреть на меня? – спросил он.

---

²⁰ Кастелян – смотритель укрепленного замка.

²¹ Рил – шотландский народный хороводный танец.

Я протянула руку и коснулась его левого предплечья, где кость была чуть заметно искривлена – я бы ничего не почувствовала, если бы не знала, что когда-то оно было сломано.

– Да, – ответила я. – Помнишь, как мы впервые увидели друг друга? Бабушка только что закончила накладывать лубок на твою руку. Тогда ты тоже был нагим – во всяком случае, частично. Бабушка сказала мне, чтобы я не входила, но я все равно вошла. Тогда я в тебя и влюбилась, едва лишь увидела.

Он засмеялся.

– Ты была тогда ребенком, маленькой девочкой.

– А вот и нет. Мне уже было двенадцать. Некоторых девочек выдают замуж в двенадцать лет.

– Только если они принцессы.

– О, думаю, во мне есть королевская кровь – немножко. Со стороны моей матери-француженки. Я влюбилась в тебя, а ты меня даже не заметил. Ты тогда думал только о своем коне – боялся, что он себе что-то повредил, когда вы с ним вместе упали.

Он запустил руки в мои волосы, притянул мое лицо к своему и поцеловал меня в губы.

– Это был серый жеребец из конюшен Глентлити, – сказал он. – Я любил его, как ты любишь свои цветы. А ты помнишь, как я впервые поцеловал тебя?

– Разве я могу забыть? Мы с тобою прятались в саду. Бабушка заставила меня поклясться, что я никогда не позволю тебе коснуться или поцеловать меня...

– ...и ты, конечно же, пошла напрямиком ко мне и попросила коснуться тебя и поцеловать, – закончил он. – Мы тогда решили вместе сбежать и пожениться. Я к тому времени уже достиг совершеннолетия, и мы могли бы уехать в Глентлити. Ты показала мне какие-то желтые цветы, которые ты посадила, и сказала, что можешь выкопать их и увезти с собой.

– Это были ирисы, золотые ирисы. Ирис – это твой цветок, Александр.

Он поднял меня на руки.

– Ты мой цветок, – промолвил он. – Моя прекрасная жена.

Я поцеловала его – и ощутила вкус вина и корицы. Я хотела его так сильно, что боялась от желания лишиться чувств. Я боялась, внезапно меня охватил ужас, и я не знала, почему.

– Где бы мы с тобою были в эту ночь, если бы в тот день граф Хантли со своей свитой не решил поохотиться в окрестностях Грэнмьюара и если бы твой серый жеребец не упал и не придавил тебе руку? О Александр, одна мысль об этом пугает меня. Это была такая мелочь, такой пустяк – и он изменил все в наших судьбах. Какие еще мелочи...

– Тсс, – он приложил палец к моим губам. – Это произошло, и вот мы здесь. – Он медленно провел пальцем по моему подбородку, горлу и добрался до ложбинки между моих грудей. – Теперь мы можем касаться и целовать друг друга сколько хотим.

Я отдалась ему, и мы сделали все, чего давно желали.

Мы прожили в той комнате на верху башни следующие несколько дней, Александр и я. Мы изучили тела друг друга до последней складочки и изгиба. Мы по-турецки сидели на кровати, хихикая, как дети, и поедая пропитанные медом пирожные до тех пор, пока пододеяльник не покрылся крошками, а мы оба больше не могли даже смотреть на мед. Мы пили вино, пока и у меня, и у него не начинала кружиться голова. Мы любовались морем, утренними зорями, звездами, смотрели, как убывает луна, от полукружия с небольшим горбом с левого края до похожего на серп полумесяца. А в последний день я показала ему серебряный ларец королевы.

– Что в нем? – спросил он.

– Не знаю. Она велела мне не открывать его – ибо, что бы в нем ни лежало, это предназначено только для ее дочери, французской королевы, если она когда-нибудь возвратится в Шотландию.

– А у тебя есть ключ?

Я разжала кулак и показала ему серебряный ключ.

– Да, есть. Но он тоже только для французской королевы. Я не должны отпирать ларец – я обещала, милый.

Он наклонился и стал целовать меня в губы – медленно и сладостно.

– Старая королева мертва, а королева французская никогда не узнает, – тихо проговорил он. – Открой его. Я хочу посмотреть.

– Но я же обещала.

Он лизнул уголок моих губ, потом принялся покрывать легкими поцелуями лицо от подбородка до уха. Все мое тело затрепетало и напряглось.

– Открой его, – шепнул он, дыша мне в ухо.

– Мы только посмотрим – больше ничего, – сдалась я.

Он засмеялся и откинулся на подушки.

– Больше ничего.

Я вставила ключ в замочную скважину. И мне почудилось, что комната вдруг наполнилась ароматами боярышника, жимолости и шиповника. Я покачала головой. Они ненастоящие, это только мои воспоминания. Мария де Гиз умерла – именно это предсказал мне боярышник – «но кровь, чья же это кровь?» – а вьющаяся жимолость олицетворяла узы, связывающие меня узы обета. Да, я дала обещание старой королеве. Но что может быть дурного в том, чтобы просто посмотреть и больше ничего?

Я повернула ключ и откинула крышку ларца. Александр подался вперед, и я ощутила на своей щеке его свежее, теплое дыхание.

Внутри все еще оставалось несколько цветочных лепестков. Я смахнула их – они прилипли к моим пальцам, я их стряхнула – и вынула пачку бумаг, сшитых вместе черной ниткой, так что получилось что-то вроде маленькой книжицы. Рядом со стежками темнело пятно – чернильная клякса? Или же кровь, капнувшая на бумагу из пальца, случайно уколотого иглой?

– Ты узнаешь почерк? – Александр взял у меня прошитые страницы и стал их перелистывать. Бумага уже начала желтеть. – Они все написаны каким-то шифром. Но взгляни на заголовки на каждой странице.

– Это почерк королевы. – Быть может, капля крови, упавшей на бумагу, это кровь Марии де Гиз? – По мере того как Александр листал зашифрованные страницы, я читала их заголовки: «Хэмилтон. Стюарт. Гордон. Хепберн. Дуглас». – Она написала здесь что-то обо всех наших знатных лордах, о каких-то их секретах.

– Секретах, которые, полагаю, они предпочли бы не раскрывать. – Он листал пожелтевшие страницы с все нарастающим интересом. – Смотри, тут женское имя – Маргарет Эрскин. Любимая фаворитка покойного короля, мать лорда Джеймса. Вот эту страничку мне бы очень хотелось прочесть. Как ты думаешь, мы сумеем их расшифровать?

– Нет, – сказала я. – Они для молодой королевы, а не для нас. Пожалуйста, Александр, положи их обратно.

Он рассмеялся и положил книжицу обратно в ларец.

– Тут есть еще кое-что. Нет, эти бумаги не сшиты в книжку, они туго свернуты и – Бог ты мой, дорогая, я прежде никогда не видел ничего подобного! Они все перевязаны красными шнурками, образующими частую сетку, да еще запечатаны красными восковыми печатями – их тут не меньше дюжины! И воск цел, печати не сломаны, стало быть, даже сама старая королева никогда не открывала эту стопку. Ты знаешь, что тут за эмблема?

На воске можно было различить глубоко оттиснутое изображение солнца и пяти звезд.

Над двумя неподвижными звездами три высших планеты в совпадении и в оппозиции к солнцу.

– Да, знаю, – ответила я.

– И кому же она принадлежит?

Скрепя сердце, я сказала:

– Одному французскому врачу и провидцу, с которым королева время от времени переписывалась – месье де Нострадаму.

– Нострадам – неужто ты имеешь в виду Нострадамуса? Того, кто пишет все эти альманахи и сборники пророчеств, которые все так жаждут прочесть?

– Да.

– Интересно, почему это он слал запечатанные бумаги нашей старой королеве? Я-то полагал, что его покровительница – Екатерина де Медичи, вдовствующая королева Франции.

– Так оно и есть, но он также писал и королеве-регентше Марии де Гиз. А может быть, у него были и другие адресаты. Александр, положи бумаги на место. Мне не следовало открывать этот ларец.

– Тут на обороте есть надпись, – сказал он. – Сделанная той же рукой, что и зашифрованные страницы, стало быть, писала сама королева. Pour Marie seule – les quatre maris. Только для Марии – четыре мужа. Должно быть, он предсказал, что молодая королева выйдет замуж четырежды. Что ж, все говорят, что юный король Франции слаб и часто хворает – так что вполне может статься, что у нее и впрямь будет еще трое мужей.

– Александр, эти пророчества предназначены только для молодой королевы. Пожалуйста, положи бумаги обратно.

Он ухмыльнулся.

– И нельзя взглянуть даже одним глазком? Ведь подданным не все равно, что за птицы мужа их королев.

– Нельзя даже одним глазком. – У меня вдруг мороз пробежал по коже. – Скорее положи их назад. Я не хочу влезать ни во что, имеющее касательство к месье де Нострадаму.

Он нехотя положил бумаги обратно в ларец. Потом поцеловал меня и снова откинулся на подушки.

– Хорошо, дорогая, убери свой ларец. Давай выпьем еще вина. И, по-моему, нам вот-вот принесут ужин, так что пора одеться.

Я закрыла и заперла ларец, потом вскочила с кровати и отнесла его в мой старый тайник за вынимающимся из кладки камнем в стене под окном. Я прятала там ценные для меня вещи, сколько себя помнила: моих кукол, браслеты, засушенные цветы, листки с записанными на них стихами. Там хранились и старые гербарии моей двоюродной бабушки с уже рассыпающимися листьями и цветами и народными поверьями, короткими комментариями и поэтическими отрывками, написанными ее мелким-мелким почерком, похожим на птичьи следы. Я любила разглядывать эти гербарии.

Но я никогда не брала из тайника еще один предмет, оставшийся от моих детских сокровищ – рукописный сборник сказок, некогда принадлежавший моей матери. Быть может, вдохновленная моей двоюродной бабушкой Мариной, она написала его сама и нарисовала, раскрасила и даже позолотила содержащиеся в нем картинки. Она говорила, что это народные сказки, которые рассказывала ей ее матушка, и contes-de-fées²², прочитанные ею в других книгах. Как же я любила, когда она читала мне эти сказки, когда они с моим отцом покидали двор и приезжали домой! Хотя их визиты были редки, я запомнила каждую из ее сказок и сразу замечала, если она пропускала хоть одно слово.

Никто не знал о моем тайнике, даже Дженет и тетушка Мар. Но Александр был моим мужем, моим сердцем, моей собственной плотью, и у меня не было от него секретов.

---

²² Волшебные сказки (фр.).

Я поставила ларец и положила ключ на стопку гербариев и книгу сказок и установила камень на место. Потом поспешно завернулась в ночную рубашку, чтобы выглядеть прилично, когда Дженет принесет нам ужин.

Глава четвертая

Вот что случилось с того дня до нынешнего.

В декабре скончался бедный юный французский король, и никого это не удивило. Так молодая шотландская королева Мария Стюарт в восемнадцать лет стала вдовой. Меж тем у нас в Шотландии хозяевами положения были лорды Протестантской Конгрегации, и никому не приходило в голову, что воспитанная в католичестве дочь Марии де Гиз может вернуться на родину, вместо того чтобы найти себе нового мужа среди европейских государей, таких же католиков, как и она.

Но мы в Грэнмьюаре были далеки от коронованных особ и высокой политики. Мы собрали созревший на большом острове урожай и завершили стрижку овец. Я посмеивалась над Александром, который на доходы от наших с ним поместий с упоением покупал красивую дорогую одежду, и лошадей, и соколов, и породистых собак, однако посмотрел на меня с величайшим ужасом, когда я предложила ему самому постричь одну или двух овец. Мы впервые вместе отпраздновали святки²³, а незадолго до Крещения я начала подозревать, что ношу под сердцем ребенка. К началу Великого поста подозрение переросло в уверенность. Когда я сказала о своей беременности Александру, мы оба заплакали от радости.

Однако к Пасхе он сделался беспокойным и ворчливым. Он говорил, что не привык жить так уединенно и не создан для сельской глуши. Он дважды уезжал из Грэнмьюара в Эбердин, как он объяснял, по каким-то делам, касавшимся его поместья Глентлити, а потом начал толковать об удовольствиях и престиже жизни при дворе. Я всякий раз напоминала ему, что поскольку королева все еще остается во Франции, а страной управляют лорды Конгрегации, двора как такового у нас просто не существует. Между нами то и дело возникали бурные, ребяческие ссоры, заканчивавшиеся сладкими примирениями в Русалочьей башне, под неумолчный рев окружающего Грэнмьюар моря.

В июне до нас добралась весть о том, что молодая королева Мария Стюарт все-таки возвращается в Шотландию. Екатерина де Медичи раз за разом расстраивала переговоры о ее новом браке, и, возможно, шотландская королева решила, что на родине у нее будет больше возможностей подыскать себе мужа. А может, ей просто хотелось снова иметь свой собственный двор. Как бы то ни было, лорды Конгрегации спрятали свои протестантские убеждения в карман и пригласили королеву Марию обратно на шотландский престол, несмотря на то, что она была католичкой, так как ее претензии на английскую корону давали им козырь, который они могли использовать в своих переговорах с царствующей в Англии Елизаветой Тюдор.

Я в Грэнмьюаре начала готовиться к поездке в Эдинбург, чтобы увидеться с королевой.

Тетя Мар и Дженет сделали все, что могли, чтобы отговорить меня. Александр, метая громы и молнии, категорически запретил мне уезжать. Путешествие в столицу, сказал он, будет изнурительным, мучительным и опасным как для меня, так и для ребенка. Он не позволит мне покинуть Грэнмьюар. Он скорее запрет меня в Русалочьей башне, чем разрешит мне пуститься в столь дальний путь. Его твердая решимость остаться в Грэнмьюаре озадачивала меня – ведь всю весну и все лето он страстно желал уехать.

Тогда мы впервые поссорились по-настоящему. Я поклялась, что поеду в Эдинбург, поеду, даже если моей единственной спутницей будет моя кобыла Лилид. Я до сих пор не вполне понимаю, чем объяснялась моя непоколебимость. Да, я дала клятву старой королеве – но я отступала от этой клятвы уже дважды: первый раз, когда сбежала из Эдинбурга вместе с ларцом вместо того, чтобы положить его в тайник под часовней Святой Маргариты, и второй

---

²³ Время с 24 декабря (католический Сочельник) по 6 января.

– когда показала его Александру. Возможно, именно потому, что мой бедный обет претерпел столько нарушений и так поизносился, я была так непоколебимо намерена исполнить то, что от него осталось.

Одно я знала точно, – я непременно поеду в столицу и отдам серебряный ларец Марии Стюарт. В конце концов, Александр сдался, и мы отправились вместе.

На дорогу ушло целых десять дней, потому что мы ехали медленно и часто останавливались, чтобы отдохнуть; к тому времени, когда мы наконец добрались до Эдинбурга, я была измотана и стала раздражаться по пустякам. Мы, как и остальные Гордоны, разместились в городском особняке графа Хантли и стали ожидать приезда королевы. Она прибыла во вторник, девятнадцатого августа 1561 года от Рождества Христова, примерно на день или два раньше, чем ее ждали. Королевские покои во дворце Холируд были еще не готовы, но ее устраивал только лишь дворец; и посему, нежданно-негаданно нагрянув в полдень на обед к одному из членов городской ассамблеи Лита, – вы можете себе представить, в какую панику это повергло его жену? – королева все-таки явилась в Холируд.

Весь Эдинбург бурлил, словно потревоженный улей.

Александр и я отправились в Холируд в тот же день, во второй его половине. Я сказала фрейлинам, что у меня есть для королевы ценный дар, переданный мне на хранение ее покойной матушкой. О, ответили мне дамы, королева сейчас *très fatiguée*²⁴. Она примет меня только на следующей неделе – или неделей позже. Она уверена, что раз я хранила сокровище ее дорогой матушки уже целый год и даже дольше, я могу подержать его в надежном месте еще какое-то время.

Я была в ярости. Я проделала весь долгий путь от Грэнмьюара до Эдинбурга; ради королевы я поссорилась с любимым мужем и подвергла опасности свое драгоценное дитя. Я чувствовала себя усталой, больной и униженной, а беременность обострила мои эмоции до крайности, до предела.

И я решила, что исполню свое первоначальное обещание – и только. Отнесу ларец в тайник Марии де Гиз под часовней Святой Маргариты. А после напишу молодой королеве письмо, в котором изложу все факты, и уеду домой.

Даже Эдинбургский замок, стоящий на своей древней скале высоко над бурлящим городом, был забит людьми, которые приехали в столицу, чтобы поприветствовать новую королеву. По счастью, большинство из них, включая солдат и дворцовых слуг, пользовались всеобщей сумятицей, чтобы без помех бражничать и играть на волынках во дворе перед королевским дворцом, так что мы с Александром смогли пройти в большой дворцовый зал, не привлекая ни малейшего внимания.

– Подземный ход, – прошептала Мария де Гиз, выпуская свой последний вздох. – Из подвалов под большим залом дворца. Никогда никому об этом не рассказывай...

Александр нес ларец в неприметной кожаной седельной сумке, перекинутой через плечо, и в обеих руках – по фонарю. Я прятала в своей сумке несколько цветов, которые сорвала в заброшенном саду, что был разбит у южной стены Холируда; там были розы и гвоздики, веточки розмарина и полевые цветы: маргаритки и тысячелистник и кукушкин цвет, незаконно разросшиеся среди своих пышных садовых собратьев. Розмарин – в память о старой королеве, культурные розы – в честь молодой. Их окраска была правильной – бледно-розовой, но неправильными были сами эти цветы – означало ли это, что молодая королева здесь, в Холируде, не приживется? Полевые цветы, случайно выросшие и случайно найденные, расскажут мне о дальнейшей судьбе самого ларца.

– Надо искать здесь, у камина, – пробормотала я, с трудом, неуклюже, потому что мне мешал выпирающий живот, села на корточки и провела рукою по обшивке стены. Двена-

---

²⁴ Очень устала (*фр.*).

дцать от пола, но двенадцать чего? На полированной деревянной обшивке не было заметно никаких линий, никаких швов между панелями. И я не видела на дорогом дереве никаких крестов. Я принялась наугад простукивать панели и нажимать то тут, то там – но все было тщетно.

– Не понимаю, дорогая, почему тебе вдруг вздумалось последовать инструкциям старой королевы именно сейчас, – промолвил Александр. Голос у него был недовольный и раздраженный; ему хотелось остаться в Холируде вместе с придворными, толпящимися вокруг молодой королевы, точно мухи, слетевшиеся на мед. – И я бы не хотел уезжать в Грэнмьюар, по крайней мере, до тех пор, пока не буду представлен королеве.

– Я хочу домой, – сказала я. Какая ирония судьбы – еще две недели назад я ссорилась с мужем, так как во что бы то ни стало хотела поехать в Эдинбург – но я все еще злилась на королеву за ее пренебрежение, и моя непоследовательность несколько меня не смущала. Я начала отмерять расстояние от пола и левого края камина, используя в качестве единицы измерения ширину своего пальца. Ничего! – Неужели тебе совсем неинтересно посмотреть на потайной подвал под часовней Святой Маргариты? Самой часовне уже несколько сотен лет, а говорят, что место, где ее построили, почиталось священным и раньше, еще до прихода христиан. Этому подвалу может быть несколько тысяч лет.

– Значит, там уже несколько тысяч лет полно крыс и пауков. А вообще-то и Эдинбургский замок, и часовня Святой Маргариты построены на монолитной скале. Вряд ли жившие здесь в древности дикари могли продолбить под ними подвалы при помощи своих орудий из камня и костей.

Я начала мерить, прикладывая к стене ладонь со сжатыми пальцами – ничего! Потом растопырила пальцы – и на этот раз получилось! Я увидела крошечный крестик, вырезанный среди древесных волокон так незаметно, что его никто бы не разглядел, если бы не знал, где смотреть, – не *croisette de Lorraine*²⁵ с двумя поперечными перекладинами: длинной и короткой – а крестом андреевский крест²⁶, эмблема Шотландии еще со времен пиктов. Сами деревянные панели были сравнительно новыми, но тот, кто вырезал на дереве крестик, хотел обозначить им нечто древнее и необыкновенное.

– Вот он, – сказала я.

Александр наклонился, чтобы рассмотреть крохотную метку. Я с силой нажала на нее и почувствовала, как панель сдвигается с места. С леденящим душу скрежетом она повернулась, и перед нами открылся узкий проход.

– Дорогая, ты ни за что не сможешь пролезть в эту щель, тебе помешает живот.

– Нет, смогу. – Я начала протискиваться сквозь отверстие в стене. «Сиди смиренно, малыш, – подумала я. – Смотри, не толкайся. Нас с тобой ждет увлекательное приключение». Один последний глубокий выдох – и я очутилась внутри. – Мне нужен свет, – сказала я.

Александр передал мне зажженные фонари и седельную сумку с ларцом, затем повернулся и боком проник в узкий проход – так легко, словно исполнял поворот в каком-нибудь придворном танце. Мне захотелось звонко поцеловать его в щеку. Мы посмотрели вниз – туда спиралью спускались грубо высеченные в скале ступени, покрытые толстым слоем пыли и, казалось, уходящие в самые недра земли. Перил у этой лестницы не было.

– Осторожно! – сказал Александр. – Я пойду первым и понесу ларец и фонари.

Я стала спускаться, одной рукой держась за стену и вытянув другую перед собой, чтобы, если споткнусь, схватиться за рубашку Александра. Очертания его плеч были такими привычными, такими родными, и в то же время сейчас, когда его лицо было обращено в

²⁵ Лотарингский крестик (*фр.*).

²⁶ По преданию, св. апостола Андрея, считающегося покровителем Шотландии, распяли на кресте с перекладинами, расположенными в виде буквы «X».

противоположную сторону, он мог показаться незнакомцем. Мне начало чудиться, что мы идем по этой винтовой лестнице вниз – круг за кругом, круг за кругом – уже целую вечность. Наконец, мы достигли ее подножия.

– Иди вдоль выбитых на стене крестов, – напомнила я.

В неверном свете фонарей на грубо отесанный камень стен ложились призрачные тени и причудливые отблески. Под дворцом и верхним внутренним двором замка подвалы существовали уже более ста лет, со времен Иакова II из нынешней династии Стюартов, но этот узкий подземный ход, выдолбленный в монолитной скале, был много-много старше. Примерно через каждые сто шагов на его стенах были выбиты кресты, полустертые временем и сочащейся сквозь камень водой.

– Интересно, не припрятано ли в потайной палате, куда мы идем, какое-нибудь сокровище? – Наконец-то и Александр, похоже, начал поддавать под чары, окутывавшие тайну старой королевы. – Иначе зачем было трудиться, выдалбливать все эти ходы, если не для того, чтобы спрятать что-то ценное?

Мы продвигались все дальше. Вид стен изменился – теперь они казались то ли оплавленными, то ли литыми, во всяком случае, на них больше не было видно следов инструментов, изготовленных человеческими руками. Скала сделалась вогнутой – и вверху, и под ногами, а по бокам на ней появились узкие уступы, напоминающие ступени. Еще три креста – и мы очутились в просторной палате. Мерцающий свет фонарей, заплясал на ее закругленных стенах и сводчатом потолке, бросая на них блики, похожие на пузырьки и стекающие вниз капли, точно кто-то опрокинул вверх дном котелок овсяной каши. Скала под нашими ногами стала гладкой, как полированный мрамор, и на ней появилась сетка глубоких трещин. По мере того как мы шли по подземному ходу, дышать становилось все труднее и труднее, а здесь, в этом мрачном пустом подвале, воздух был совсем спертый и пахло камнем, дождевою водой и вечностью.

Александр поставил фонари на пол и перекрестился. Я обхватила руками живот, в котором жило мое дитя. Малыш вел себя очень тихо, словно мой невольный страх передался и ему.

– Что это такое? – прошептал Александр. – Эта палата – как пузырек в болоте, ни дать ни взять, только вокруг – не болото, а сплошной камень. А пол похож на жженный сахар, который остудили слишком быстро, отчего он покрылся трещинами.

– Не знаю, – ответила я. – Интересно, кто выбил на камне все эти кресты и как он узнал, что наверху – часовня Святой Маргариты. Смотри-ка – там, в стене, есть ниша.

Мы прошли к противоположной стене палаты. Ниша явно была продолблена человеческими руками – на камне виднелись следы, оставленные зубилом. Я достала из сумки усеянную голубыми цветами веточку розмарина и розовые розы и устлала ими нишу. Розмарин издавал пронзительный и терпкий запах, а вот цветки роз увяли. Стало быть, молодая королева не будет такой же сильной и целеустремленной, как ее мать.

– Поставь ларец в нишу, – сказала я.

Александр вынул ларец Марии де Гиз из кожаной седельной сумки. Свет от наших двух фонарей заиграл на серебре – заново отполированном перед тем, как мы выехали из Грэнмьюара, – и чеканные ленты на закругленной крышке ларца замерцали и словно бы задвигались, сплетаясь. Александр поставил его в нишу, на ложе из розмарина и роз.

– Давай скорее вернемся наверх, моя радость, – сказал он. – Я чувствую дурноту, да и фонари скоро погаснут. Здесь слишком спертый воздух.

– Минуточку. – Я достала из сумки остальные цветы. Садовые гвоздики, тысячелистник и кукушкин цвет. Половина смысла послания цветов зависела от того, какие из них решат явить себя людским взорам. Вторая половина – мифы и легенды, сформулированные и отточенные наукой моей милой двоюродной бабули и тем, что шептали сами цветы.

Головки садовых гвоздик были пестрыми – сердцевина почти черная, а пурпурные зубчатые лепестки окаймлены белым. Цветки остались свежими, не увядшими, их крепкий, пряный аромат ничуть не ослабел. «Несчастье, – шептали они. – Злая доля». Зубчатая белая кайма – старость; старуха с сединой в волосах, сединой, которую она прячет под головными уборами, расшитыми золотом и драгоценными камнями. Быть может, это Мария де Гиз? Или молодая королева через много, много лет? Или я в старости? Кем бы ни была эта старуха, она и этот ларец и злая доля были связаны так же неразрывно, как лепестки гвоздики.

Следующим был кукушкин цвет, с узкими, розовыми, как утренняя заря, дольчатыми лепестками, ворсистый, как косматые шкуры диких малорослых лошадей, что водятся на вересковых пустошах. Ум и пылкость – но чьи? «У того, кто следующим коснется ларца, будет страстное сердце и красноречивый язык», – шепнул мне кукушкин цвет. «Может быть, это буду я?» – спросила я в ответ. «Нет, – прошептал кукушкин цвет, – не ты».

Тогда Александр. Уж у него-то, конечно, страстное сердце и красноречивый язык.

Но кукушкин цвет молчал.

Я перенесла все свое внимание на последний из цветов – тысячелистник. Корзинки из плотно прижавшихся друг к другу белых цветков, пахнущих капустными листьями. Иногда его называют «чертовой крапивой», его цветы шептали мне о ведьмах – о колдовстве, заклинаниях, черной магии и страхе. И еще – что бы это могло значить? – о мечте о любви и о суженом.

Трясущимися руками я уложила цветы вокруг ларца. Злая доля, колдовство, страх и даже возможность того, что не молодая королева, а кто-то другой, кто-то неизвестный достанет из ниши ларец Марии де Гиз. Кто-то, знающий о подземном ходе и крестах. Возможно, не все это – правда. Иногда цветы ошибались. А порой ошибалась я сама, когда слушала их или толковала их шепот.

– Теперь мы можем идти, милый, – сказала я. – Я тоже чувствую слабость, и мне тоже не терпится глотнуть свежего воздуха.

Мы пошли по подземному ходу обратно. Когда я поднималась по лестнице, мои ноги дрожали, и я ощущала тяжесть ребенка в моем чреве. Пройдя через потайную дверь в стене, мы вновь очутились в большом зале королевского дворца. На свежем воздухе наши фонари вновь ярко запылали. Когда я нажала на панель, потайной замок щелкнул, и она снова встала на место.

– Послушай, как играют волынки, – сказал Александр и откинул голову назад, словно норовистый молодой конь, готовый пуститься в галоп. Ясное дело, ему хотелось поразвлечься – поплясать, и поесть, и выпить вместе с остальными жителями столицы. – Давай спустимся в город и поищем таверну с хорошим вином и пирогами с мясом. Ты ничего не ела с самого утра, моя радость.

Так оно и было. Наверное, оттого-то я и чувствовала слабость и головокружение. Наверное, именно поэтому у меня были спазмы в животе.

– Хорошо, но давай зайдем лишь ненадолго. – Я расслышала в своем голосе хныкающие нотки и рассердилась на саму себя. – Немного поедим, и все. Потом мне надо поспать. Александр, пожалуйста.

– Ты чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы прошагать несколько миль по всяким подземным ходам и подвалам под королевским дворцом. Я тебе помог. А теперь ты вдруг слишком устала, чтобы дать мне немного поразвлечься?

Я ничего ему не ответила. В молчаливой враждебности мы дошли до верхнего двора замка. Вот часовня Святой Маргариты, а рядом с нею – живая изгородь, где я рвала цветы боярышника, жимолости и шиповника в ту ночь, когда умерла старая королева. Боярышник – это смерть, вьющаяся жимолость – узы моего обета, а шиповник – грядущая радость. Но что за радость? И когда ее ждать?

Мы миновали все дворы замка и по длинной лестнице спустились обратно в город. К тому времени, когда мы прошли по улице Лонмаркет до Хай-стрит, я была уже вся в испарине. Августовская ночь была теплой и влажной, улица была забита народом, кругом горели и чадили факелы. Мои и без того натянутые нервы резали пронзительные звуки волюнок и ребеков²⁷ и монотонное пение псалмов. Знакомые запахи пота и дыма, пролитого вина и жарящегося мяса сливались в невыносимый омерзительный смрад.

– Александр, – выдавила я из себя. Мне пришлось закричать – или попытаться закричать – чтобы он расслышал. – Меня сейчас стошнит.

– Хорошее же время ты выбрала! – раздраженно крикнул он в ответ. – Хорошо, ладно, мы возвратимся в дом Хантли. Там будет, кому о тебе позаботиться. – Он не добавил: «А потом я вернусь сюда, чтобы все-таки как следует повеселиться», но это было ясно и без слов. – Нам вообще следовало сидеть там, и к черту твой проклятый ларец. Пошли, здесь уже недалеко.

Одной рукой он обнял меня за талию, а другой оттолкнул встречного прохожего. Я крепко зажмурила глаза и усилием воли заставила себя идти дальше. Еще несколько шагов, всего лишь несколько шагов.

– Пропустите! – закричал Александр. – Эта леди нездорова. Пропустите...

Он вдруг замолк, издав какой-то странный звук – то ли крик, то ли громкий выдох. Его рука соскользнула с моей талии, и он качнулся в сторону. Я пошатнулась, открыла глаза и в свете факелов увидела сверкнувшую рукоять кинжала и фонтан блестящей черной жидкости, брызнувший, хлынувший из его горла. Его глаза были открыты, и в них не было ни гнева, ни страха – только потрясение. О святой Ниниан, это кровь, кровь Александра – «кровь на боярышнике, кровь и смерть» – она была горячая, липкая, пахла солью, и ржавчиной, и сырым мясом, и сплошь покрывала мою грудь и плечи и руки. Александр попытался что-то сказать – его губы шевельнулись, но послышался только тихий хрип и еще – бульканье, исходящее из страшного разреза, зияющего на его горле. Потрясение в его глазах исчезло, сменившись мертвой пустотой, и он рухнул на мостовую.

Я попыталась было поддержать его, но он был слишком тяжел. Он увлек меня за собою и придавил к булыжникам, которыми была замощена главная улица. Я попробовала закричать, но мне не хватило дыхания. Я слышала, как кто-то рассмеялся и сказал: «Он пьян». Чей-то грязный сапог ударил меня в щеку. Я всхлипнула и постаралась свернуться калачиком, чтобы защитить дитя в моем чреве. Подошвы сапог снова и снова топтали мои волосы, раздавили мой нарядный головной убор, разорвали юбку. Запах крови был так резок, так силен, что меня вырвало на мостовую. Потом мое чрево содрогнулось и сжалось.

Внезапно сапоги исчезли. Вокруг послышались крики и звук, который я ни с чем бы не спутала – свист выхватываемого из ножен клинка, стали, скользящей по коже. Факел, упавший наземь. Чья-то нога, пинком отшвырнувшая его прочь. Нога, обутая не в сапог, а в башмак, туфлю из тонкой, начищенной кожи, затянутая в шелковый чулок с расшитой серебром подвязкой, длинная, словно ей никогда не будет конца. Я с трудом повернула шею. Факел покотился по мостовой, отбрасывая блики света на гарду и эфес шпаги, рассекающей теплый ночной воздух и чертящей магический круг безопасности вокруг меня. Позолота, фигурнаяковка и инкрустация серебром. Волосы, как огонь. Кто это – ангел или демон?

Где-то зазвонил колокол.

Разрывающая боль в животе.

И больше – ничего.

²⁷ Ребек – старинный струнный смычковый музыкальный инструмент.

Глава пятая

«Александр, Александр...»

Мне было жарко, меня тошнило, и мое тело было слишком легким, чтобы быть прикованным к земле. В моих ноздрях стоял запах крови. Неужели это кровь Александра, на миг блеснувшая в факельном свете?

– Надо остановить кровотечение, – сказал мужской голос, незнакомый, с французским акцентом. – Если его не остановить, она умрет.

«Стало быть, это не его кровь, а моя». Я взмыла еще выше.

Когда я посмотрела вниз, время отступило назад – на год, на целую жизнь назад, и я снова стояла в верхнем дворе Эдинбургского замка в ту ночь, когда умерла старая королева, держа уколотый шипом палец над пучком боярышника. С него скатилась капля крови; в лунном свете она казалась черной. Но на умирающей королеве не было кровавых ран, стало быть, кому-то еще суждено умереть?

«О Александр! О, мой любимый, мой ненаглядный! О нет, о нет...»

Я открыла глаза.

Мне снилось что-то ужасное, но кошмар прошел, остался только смутный страх. Это был сон, сон, всего лишь сон. Слава Богу, просто сон.

Но отчего мне так больно? Я чувствовала себя так, словно меня надвое разрубили топором. И почему мне кажется, что я изменилась, стала слишком маленькой, слишком легкой? Где я? Где Александр? И почему я слышу детский плач?

– Она пришла в себя. – Женский голос, произносящий слова медленно и тихо, и холодный, холодный, как лед. – Принесите ребенка.

Я повернула голову. Рядом с незнакомой кроватью, на которой я лежала, стояла женщина. Ее лицо было мне знакомо. Во всяком случае, я знала, что видела ее и прежде. Знала я, и что она мне не нравилась и что я ей не доверяла – но я не могла вспомнить, кто она такая.

Она положила запеленутого младенца мне на грудь. По крайней мере, это объясняло, откуда исходил плач. Бедный маленький комочек зашелся в крике. Я отвернулась и оттолкнула его.

– Возьми ее, – сказала женщина. – Это твоя дочь.

– Нет, – сказала я. – Она мне не дочь. – Горло у меня болело, и голос звучал так, будто был не моим – хриплым, дерущим слух. – Где Александр?

– Твой Александр мертв.

«Твой. Александр. Мертв».

Слова. Между ними не было связи, и они ничего для меня не значили.

Я посмотрела на женщину, которая их произнесла, на ее едва шевелящиеся губы, на следы былой чувственной красоты в линиях ее скул, ее глазах – и узнала ее. Это была леди Маргарет Эркин, фаворитка покойного Иакова V, мать лорда Джеймса Стюарта, светского главы лордов Протестантской Конгрегации и самого любимого из внебрачных сыновей нашего последнего короля. Что она здесь делает? И где я нахожусь?

Младенец все еще плакал.

«Твой. Александр. Мертв».

– Нет, – четко произнесла я, потому что было очевидно – леди Маргарет не знает, кто я. Она говорила о каком-то другом Александре. Или же она сошла с ума. Сначала она сказала, что плачущий младенец – моя дочь, потом – что Александр...

«...фонтан блестящей в факельном свете черной жидкости, хлынувший, брызнувший из его горла...»

Нет. Я ничего не помню».

– Нет, – снова произнесла я. – Только не мой Александр. Мой Александр, он... он...

Мой голос вдруг задрожал так, что я не смогла договорить. Все мое тело затряслось. Я зажмурила глаза так крепко, как только смогла. Кошмарный сон возвращался, но я не хотела видеть его вновь.

– Александр Гордон из Глентлити, – проговорила леди Маргарет Эрскин, – лежит сейчас перед алтарем в главном неф²⁸ аббатства Холируд, с горлом, рассеченным до самого хребта. – Она склонилась ниже; глаза ее горели. Ее жаркое дыхание пахло пятнистым аронником, перезрелым, перестойным. – Твой Александр мертв.

«Твой Александр мертв».

Я знала – это правда.

Младенец плакал, мое тело болело, и я поняла – она права. Это был мой ребенок. Дочь. Но мне было все равно. Она мне не нужна. Я не хочу жить в мире, где нет Александра Гордона.

Так вот что чувствовала моя мать. Вот почему, после того как умер мой отец, она покинула меня и удалилась в монастырь во Франции, чтобы провести остаток жизни в молитвах о его душе. Я плакала, тоскуя по ней, и ненавидела ее столько лет, мою прекрасную, вдруг исчезнувшую мать, которая вместе с моим отцом жила при дворе и, словно внезапно раскрывающий свои лепестки красnodнев²⁹, наезжала в Грэнмьюар два-три раза в год, чтобы читать мне волшебные сказки. Теперь – теперь я ее понимала. У красnodнева есть еще одно название – иногда его называют «вдовьи слезы». Ее вдовьи слезы разрушили ее жизнь и похоронили ее в монастыре. На меня вдруг накатил волна любви к ней, любви, которой я не испытывала уже много лет – с тех самых пор, когда мы поехали во Францию, с того года, который разрубил мое детство пополам.

«В Шотландии не осталось монастырей. Тогда я умру. Так будет легче».

Я отвернулась, но холодные пальцы Маргарет Эрскин повернули мою голову обратно. Ногти, острые, как когти, впились в мои щеки, и в нос мне снова ударил горячий запах пятнистого аронника. Пятнистый аронник, или арум кукушечный, как бы его ни называли – это что-то скрытое, а также чувственность и еще – граница между жизнью и смертью. Если налить в чашку дождевую воду, помешать ее по часовой стрелке и бросить в нее семя пятнистого аронника, то можно узнать, когда хворающий выздоровеет по тому, сколько раз оно прокрутится в воде. А если бросить семя, предварительно помешав ее против движения часовой стрелки...

– Где ларец? – прошептала леди Маргарет Эрскин. – Я не позволю тебе умереть, Ринетт Лесли, пока ты не скажешь мне, где ты спрятала серебряный ларец старой королевы.

«Но она не видела, как я взяла ларец».

Тогда откуда же она знает?»

Мне это было безразлично. Это не имело ни малейшего значения. Никто никогда не найдет ларец, обвитый цветами и надежно укрытый под часовой Святой Маргариты, в таинственной природной полости в древней скале. Я могу спокойно погрузиться в уютное черное беспмятство, и никто не узнает, где спрятан ларец – до самого трубного гласа, до самого Судного дня.

Новая острая боль обожгла меня, и я вновь открыла глаза. Она изо всех сил хлестала меня по щекам, старая гадкая ведьма. Я видела, как ее рука опускается снова и снова, и слышала звуки пощечин, и они обжигали мое лицо, и в такт ударам голова моя моталась на подушке из стороны в сторону.

²⁸ Неф – вытянутое помещение в христианском храме, разделенное колоннадой или аркадой на главный, обычно более широкий и высокий неф, боковые нефы, а также поперечные нефы, придающие всему зданию форму креста.

²⁹ Красnodнев – растение, цветки которого распускаются только днем; отсюда – его название.

– У тебя есть дочь, – прошипела леди Маргарет Эркин. – Дочь Александра Гордона. Ее уже окрестили – сама королева стала ее крестной – и отныне ее имя Мэри Гордон. Неужели ты так труслива, что хочешь оставить ее сиротой?

Мэри Гордон. Это имя делало ее существование реальным, а я не хотела думать о ней как о реальности. Мэри Гордон из Глентлити и Грэнмьюара.

– Она получит Грэнмьюар, – сказала я. – И Глентлити.

– Ничего она не получит. Грэнмьюар заберет себе граф Роутс, а Глентлити – граф Хантли, а она будет нищей, ей не будет места ни там, ни там.

Впервые я ощутила нить чувства, зовущего меня обратно, обратно в жизнь. «Грэнмьюар, мой Грэнмьюар, мой сад у моря. Роутс хотел забрать его, но я расстроила его планы, выйдя замуж... О Александр, Александр! Мой любимый, мой муж. Столько крови... И мы тогда ссорились. Мы оба испытывали глупый, нелепый, бессмысленный гнев, а потом блеснул нож...»

– Твой Грэнмьюар заберет себе Роутс, – повторила леди Маргарет. Она нашла подходящее оружие и теперь собиралась его использовать. – Он выдаст твою дочь за одного из своих вассалов. Или же – кто знает? – она может просто умереть, ведь младенцы умирают так часто. Она Гордон, стало быть, и у Хантли есть право распоряжаться ее судьбой. А они с Роутсом ненавидят друг друга. Так легко ночью, когда все спят, придушить ее подушкой. И тогда Глентлити перейдет к Хантли навсегда.

Я открыла глаза. Головной убор леди Маргарет скособочился, когда она била меня по лицу, и я увидела в ее волосах седые пряди. Седые пряди в волосах старухи – я видела их недавно, но не могла вспомнить, где.

– Грэнмьюар мой, – проговорила я.

– Если ты умрешь, он перестанет быть твоим.

Я ненавидела ее и не хотела жить дальше – но она была права. Нить чувства, зовущего меня обратно, переплелась с еще одной и еще одной и превратилась в прочный канат, живой, горячий, соединяющий меня с жизнью, тянущий назад.

– Скажи мне, где ты спрятала ларец?

В канат вплелась еще одна нить. Откуда же она знает? Никто не знал, кроме Александра и меня. Тетушка Мар и Дженет, возможно, догадывались, но они никогда бы меня не предали. Откуда же леди Маргарет Эркин, любовница старого короля и мать его побочного сына – претендента на шотландский трон, откуда она, принадлежавшая к миру царедворцев, заговоров и борьбы за власть, знала о том, что я год прятала в Грэнмьюаре, а потом привезла в Эдинбург, чтобы отдать молодой королеве?

– Я не знаю, о чем вы толкуете, – сказала я.

С внезапной мягкостью она положила руку мне на лоб. Быть может, она поняла, что угрозами и пощечинами ей никогда не заставить меня говорить?

– Ты поймешь, – продолжала она, – когда подрастет твоя дочь. Мать сделает для своего ребенка все. Мы с тобой не такие уж разные, ты и я.

Я отвернула лицо, но она вдруг наклонилась ниже.

– Мой сын родился, чтобы быть королем, – прошептала она. – Его отец хотел узаконить его; ты это знала? Он попросил папу расторгнуть мой брак с Робертом Дугласом, чтобы мы с ним могли пожениться и я стала его королевой, а Джеймс – его законным наследником.

– Но вместо всего этого он взял в жены Марию де Гиз, – сказала я. – Оставьте меня в покое.

– Мария де Гиз умерла, а ее дочь принесет Шотландии только раздор и горе. Мы отошлем ее обратно во Францию – там она будет счастливее, в конце концов. Отдай мне ларец – мой Джеймс сумеет мудро распорядиться его содержимым.

– У меня его нет.

– Из-за этого серебряного ларца погиб твой Александр. Ты станешь следующей. Скажи мне, где он – и спаси себя. Спаси Шотландию. Только скажи мне, и Джеймс все устроит – тогда ты не умрешь и сможешь забрать свою дочь и спокойно жить в Грэнмьюаре.

«Из-за этого серебряного ларца погиб твой Александр».

Из-за этого серебряного ларца.

Эти слова оглушили меня. Они были как нож, вонзившийся в мое собственное сердце.

«Неужели она права – и все дело в ларце? И Александра убил не случайный разбойник, позарившийся на его кошелек, а наемный убийца, подсланный...»

Подсланный кем?

Но почему убили Александра? Почему не меня?»

Между жизнью и мною протянулась еще одна нить, куда более прочная, чем все остальные, вместе взятые, горячая, как огонь, и красная, как кровь.

«Я буду жить и узнаю, кто убил Александра Гордона. Я узнаю это, и прежде, чем вернуться домой, в Грэнмьюар, с нашей дочерью на руках, я отомщу».

Глава шестая

«Александр Гордон из Глентлити, – прошептала леди Маргарет, обдавая мое лицо жаром своего зловонного, пахнущего пятнистым аронником дыхания – лежит сейчас перед алтарем в главном нефе аббатства Холируд с горлом, рассеченным до самого хребта».

Значит, я отправлюсь в главный неф аббатства Холируд, как только смогу стоять на ногах.

Леди Маргарет думала, что я решила жить дальше из-за Грэнмьюара и моей дочери. Что ж, в какой-то мере она была права; пусть продолжает так думать и впредь – я не стану ее разубеждать. Я даже, не противясь, дала ей приложить несчастную исходящую криком малютку к моей груди, хотя мне и было больно, когда она сосала, да и молока у меня, по всей видимости, было очень мало. Но все же, пососав, малышка перестала плакать и заснула.

Затем я позволила служанкам дать мне мясного бульона и вина с размоченными в нем кусочками хлеба. И продолжала клясться, будто ничего не знаю ни о каком ларце. Конечно, леди Маргарет знала, что я лгу, но что она могла поделаться? По крайней мере, я старалась выжить, а стало быть, знание о том, где спрятан ларец, не умрет вместе со мной.

Час или два спустя она ушла, сказав, что еще вернется, чтобы поговорить со мною, когда я немного окрепну. Я ничего не ответила, и она удалилась. Со мною остались три женщины. Одна была одета в богатое черное платье, с жемчужными сережками в ушах, и отдавала приказания по-шотландски с сильным французским акцентом; двое остальных были полноватые эдинбургские девушки, молча исполнявшие, что им велят.

– Я Мэри Ливингстон, – сказала французенка. – Я состою в личном штате королевы, и она сама поручила мне заботу о вас. Я выросла вместе с нею во Франции, и теперь, когда вернулась обратно в Шотландию, мне все кажется чужим – я почти ничего здесь не помню и едва говорю по-шотландски.

– Меня зовут Марина, – сказала я. Я не смогла заставить себя произнести ни «Гордон», ни «Лесли». – Меня окрестили так в честь моря, на котором стоит мой дом. Все называют меня Ринетт.

Мэри Ливингстон улыбнулась; улыбка подходила ее круглому веснушчатому лицу куда больше, чем выражение серьезности и печали. Но тут она вспомнила, что я только что овдовела, и снова приняла печальный вид.

– Вы должны отдыхать и поправляться, – сказала она. – Это Элисаун, а это Элспет. Если вам будет что-нибудь нужно, только скажите нам – мы все сделаем.

– Мне бы хотелось еще бульона и хлеба. И, пожалуйста, помогите мне сесть.

На самом деле я вовсе не хотела есть, но понимала, что должна. Девушки подложили мне под спину несколько подушек. Когда я села, у меня закружилась голова, но я поела хлеба, размоченного в наваристом мясном бульоне, и головокружение прошло.

– Какой нынче день? – спросила я.

– Пятница, – ответила Мэри Ливингстон. – Ваш ребенок родился поздно ночью в среду, а сейчас вечер пятницы. Скоро начнется вечерня.

Королева прибыла во дворец утром во вторник. Был вечер вторника, когда...

Я не могла об этом думать.

Вместо этого я спросила:

– Где мы? Как я сюда попала?

– Мы во дворце Холируд. Королева пока поселилась здесь – ее покои расположены в северо-западной башне, на том конце галереи. – Мэри Ливингстон махнула рукой в сторону двери крошечной комнатки, где мы находились. – Она поручила заботу о вас своему личному

врачу – и, разумеется, нам: мне, Элисаун и Элспет. Сюда вас принес месье Никола де Клерак – он проходил по Хай-стрит, когда вы упали, и спас вас из-под ног толпы.

– Никола де Клерак, – повторила я. – Он был французским секретарем старой королевы.

– Он вернулся в Шотландию из Франции вместе с нами. Он большой ami³⁰ молодой королевы, которая любит его в память о своей матушке.

– А ребенок? – Я все еще не могла назвать ее по имени или произнести слово дочь. – Ее окрестили?

– О да. Королева решила, что после таких родов лучше окрестить ее немедля. Она держала твою прекрасную дочурку на руках и отвечала на ритуальные вопросы отца Рене, пока он проводил церемонию крещения.

– Леди Маргарет сказала... – проговорила я и осеклась. Я закрыла глаза. Легче было произнести это в темноте. – Она сказала, что моего мужа... что моего мужа перенесли в аббатство.

Мэри Ливингстон взяла мои руки в свои. Руки у нее были теплые и сильные. Я почувствовала в ней белые фиалки, простые и радостные, но с траурными фиолетовыми сердцевинками – предвестниками чего-то темного, что в будущем омрачит ее жизнь.

– Да, он покоится в аббатстве, – мягко промолвила она. – Его перенесли туда со всеми почестями. Королева позаботилась обо всем.

Итак, я знала, где нахожусь, и какой нынче день, и какое время суток. Я знала, куда они отнесли его. У меня были свитые воедино нити, крепко привязывавшие меня к жизни – Грэнмьюар и Мэри Гордон, вина и мщение. Теперь я хотела лишь одного – встать и пойти в аббатство, чтобы увидеть все собственными глазами и убедиться, что тот ужас, который запечатлелся в моей памяти – в самом деле правда.

Я открыла глаза. Я сделала глубокий вдох, повернулась на кровати, вытянула ноги, опустила их и поставила ступни на пол. Он был каменный, холодный. Я встала. Мои ноги дрожали, и я чувствовала, как из меня сочится кровь.

– Пожалуйста, помогите мне одеться, – сказала я. – Мои близкие из Грэнмьюара – за ними послали?

– Да, – отвечала Мэри Ливингстон. – Королева отправила к ним нарочного еще в ту ночь, когда ты родила. Они должны быть здесь уже через несколько дней. Ринетт, та there,³¹ пожалуйста, ляг. Ты еще слишком слаба, чтобы вставать с постели.

– Я хочу одеться. Хочу пойти в аббатство.

– О Ринетт. – Она обняла меня одной рукой за талию. – Ты туда не дойдешь, это слишком далеко. У тебя был жар, и ты потеряла много крови. Остайся здесь, со своей малышкой и отдохни. Он поймет.

– Я хочу пойти в аббатство. Пожалуйста, помогите мне помыться и одеться.

Я перехватила взгляд, который Мэри Ливингстон бросила на двух остальных девушек. Они все думали, что от горя я лишилась рассудка. Что ж, пусть считают меня безумной. Я должна была увидеть его.

Нехотя они принесли мне теплой воды, и свежее белье, и чистое платье, которое я никогда раньше не видела. Оно было сшито из черного шелка, с жестким стоячим воротником по последней французской моде и с разрезами на рукавах, подбитыми белым полотном с черной вышивкой. Интересно, которую из придворных дам королевы сочли достаточно похожей на меня по росту и телосложению, чтобы приказать ей расстаться с одним из ее платьев? Во всяком случае, не Мэри Ливингстон – она была намного ниже и полнее меня.

---

³⁰ Друг (фр.).

³¹ Моя милая (фр.).

Наконец, я была готова. Элспет велели остаться с ребенком; я оперлась на руку Мэри Ливингстон, Элисаун держалась рядом с другой стороны, и, хотя обе они встречали каждый мой шаг протестами, мы медленно проделали весь путь по галерее и, пройдя через отдельный выход из дворца, предназначенный только для личного штата королевы, вступили в главный неф старинного аббатства Холируд.

Длинный и узкий, он был отделен от боковых нефов колоннадами, напомнившими мне ряды цветочных стеблей. Высокие стрельчатые окна боковых нефов были темны; солнце давно уже село. На пересечении продольных нефов с поперечными стоял катафалк, на обоих концах его горели свечи: по одной на каждом. Да, на катафалке лежало тело – я его видела. Но я не могла опознать в нем Александра – для этого надо было подойти ближе.

– Я пойду туда одна, – сказала я. – Пожалуйста, подождите тут.

– Ты не сможешь столько пройти.

– Смогу. Мне надо остаться одной. Пожалуйста.

– Да поможет тебе Пресвятая Дева, – прошептала Мэри Ливингстон и отпустила мой локоть.

Я сделала первый шаг, потом второй. На каменном полу церкви виднелись сколы и трещины, а на колоннах – следы огня. Я, конечно же, знала эту историю: двадцать лет назад солдаты английского лорда-протектора Сомерсета³² разграбили и сожгли церковь и похитили большую латунную купель и листы свинца с крыши. Но главный придел остался стоять, безмолвный и намоленный, в этих стенах были погребены шотландские короли, и пахло древними камнями и веками воскурившимся здесь ладаном. Каждый новый шаг приближал меня к катафалку. Наконец, я подошла туда, где начинались темные развалины поперечных нефов. Я остановилась.

«Александр, Александр...»

Он лежал меж двух свечей, горящих в изголовье и изножье катафалка, его руки были сложены на груди. На нем было незнакомое мне черное платье, как и мое, с чужого плеча; его собственные рубашка, камзол и рейтузы – о, его рубашка, которую я сшила своими руками! – должно быть, слишком пропитались кровью. Его непокрытое лицо, обращенное к сводчатому потолку храма, было спокойно и безмятежно. О Боже, каким мертвенно белым было оно! Одни только его волосы остались прежними, блестящими в свете свечей. Глядя на его золотые кудри, я мысленно увидела золотой ирис, его цветок. Я протянула руку и дотронулась до них. Они были шелковистыми и пружинистыми, такими же, как всегда.

Его глаза были закрыты.

Я коснулась его щеки.

Холодная. Мягкая и дряблая, меж тем как при жизни она всегда была теплой и упругой.

«Александр...»

Наверное, я выкрикнула его имя вслух. Я знаю, что бросилась ему на грудь, несмотря на надетое на нем чужое платье и разложение, уже тронувшее его плоть, и кричала, кричала, кричала. Я понимала, что кричу, потому что от крика у меня заболело горло. Как же, как же это могло случиться? Почему мы сейчас не в Грэнмьюаре, невредимые и счастливые, вместе с нашей дочерью, принадлежащей только нам двоим, и вовсе не крестницей королевы?

«Потому что ты настаивала на поездке в Эдинбург».

Это был голос Александра.

«Потому что ты хотела во что бы то ни стало передать серебряный ларец королеве».

---

³² Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет (ок. 1506–1552) – английский политический и военный деятель, брат Джейн Сеймур, третьей жены короля Генриха VIII. В 1547–1549 гг. – лорд-протектор Англии при малолетнем короле Эдуарде VI. В 1544 году, когда он еще не был лордом-протектором, по приказу Генриха VIII в отместку за отказ шотландцев заключить брак между принцем Эдуардом и двухлетней шотландской королевой Марией Стюарт вторгся в Шотландию, захватил и разграбил Эдинбург.

Я ощупала его лицо, его губы – он не мог говорить, не мог! Его голова мотнулась в сторону от меня. Рана на его горле была небрежно зашита черной ниткой. Вокруг нее все еще оставалась кровь, засохшая, почерневшая. Тот, кто обмывал его тело, сделал это кое-как. Когда его голова повернулась, несколько чешуек запекшейся крови отслоились и осыпались на катафалк.

«Я был бы сейчас жив, если бы не ты и не твой серебряный ларец».

– Нет! – проговорила я, вне себя от ужаса и чувства вины. – О нет. Прости меня, прости!

Я положила ладони по обе стороны от его головы, как часто делала при его жизни. Он был теперь как изваяние из холодной мягкой глины, но я нарушила его упокоение и должна была это исправить. Я повернула его голову – и внезапно свет траурных свечей высек малиновую искру под его ухом, там, где корка запекшейся крови треснула и осыпалась.

Я тронула ее – это был драгоценный камень. Рубин. Мысленно я вновь увидела, как кинжал самого Александра, украшенный драгоценными камнями и филигранью, падает на пол часовни Святого Ниниана в Грэнмьюаре. Этот драгоценный камень не был кабошоном, он был огранен и отшлифован так, чтобы его грани играли на свету; он не принадлежал Александру, и если он застрял в его страшной ране, то существовал только один предмет, от которого он мог отвалиться.

Кинжал убийцы. Рубин отскочил от его эфеса или гарды то ли от силы, с которой был нанесен удар, то ли от конвульсий забившегося в предсмертной агонии Александра...

– Мадам.

Я резко обернулась и едва не потеряла равновесие. За мною стоял мужчина, высокий, угловатый, с длинными руками и ногами, широкоплечий. Сначала я подумала, что это призрак, но потом до меня дошло, что он одет по последней моде, в черное, шитое серебром платье, и что волосы у него золотисто-рыжие, похожие на светящиеся в темноте угли костра. Глаза его были обведены сурьмой, а в левом ухе сверкал бриллиант. Откуда он взялся? И куда делись Мэри Ливингстон и Элисаун, почему они не пришли мне на помощь?

– Сопровождавшие вас дамы все еще ждут вас у входа в храм, – сказал он. У него был знакомый голос. – Клянусь, я не причиню вам зла. Мы с вами уже встречались, хотя вы, наверное, меня не помните – я Никола де Клерак, я состоял в придворном штате Марии де Гиз, как один из ее французских секретарей. Я вернулся в Шотландию вместе с ее дочерью, чтобы снова служить в том же качестве.

– Я вас помню, – ответила я. Я также помнила, что ассоциировала его с пасленом сладко-горьким, радующим глаз, но смертельно ядовитым. – Тогда вы не вызывали у меня ни симпатии, ни доверия. Что вам нужно от меня теперь?

Он улыбнулся – едва заметно.

– Вижу, мне не придется гадать, пытаюсь узнать ваши истинные чувства. Мне ничего не нужно от вас, мадам. Я хочу лишь убедиться, что вы в безопасности, и выразить вам мои *condoléances*³³. Я зашел в комнату, где вы отдыхали после родов и обнаружил, что там никого нет.

Да, я помнила, как говорила с ним в ту ночь, когда умерла старая королева, но было что-то еще. Я помнила его голос, волосы, лицо с резкими аскетическими чертами – да, аскетическими, несмотря на всю его французскую косметику. Но было еще что-то, более недавнее. Его одежда – черная, как у всех в штате королевы, но особенно элегантная, туфли из дорогой, мягкой, блестящей кожи, его длинные ноги в шелковых чулках с подвязками из серебряного шитья...

«Сюда вас принес месье Никола де Клерак – он проходил по Хай-стрит, когда вы упали, и спас вас из-под ног толпы».

---

³³ Соболезнования (*фр.*).

– Это были вы, – вымолвила я. – Там, на улице. Когда... – Слова застряли у меня в горле. Он кивнул.

– Во время празднования мне повезло оказаться на улице как раз в ту минуту. Мне очень жаль, что я не подошел раньше и не смог спасти жизнь вашему мужу.

– Вы все видели? – я протянула руку и вцепилась в его камзол. Я наверняка изомну безукоризненно чистый черный травчатый шелк – но мне было все равно. – Вы видели, кто его убил?

Он взял меня за руку. Думаю, он сделал это, чтобы вовремя поддержать меня, если я лишусь чувств. А может быть, он просто беспокоился за свое изысканное платье.

– Нет, – мягко проговорил он. – Убийца был в темной одежде и плаще с капюшоном – но так же были одеты и сотни других. Все произошло очень быстро. Возможно, он намеревался убить и вас, мадам. Он не сделал никакой попытки украсть кошелек или кинжал вашего мужа, так что я не думаю, что им двигало простое желание пожить.

Леди Маргарет Эрскин сказала то же самое. «Из-за этого серебряного ларца погиб твой Александр».

– Тогда что же? – спросила я.

Он на мгновение перевел взгляд на темнеющий за катафалком полуразрушенный клирос. Быть может, он видел там тени давно отошедших в мир иной отцов-августинцев? Мне показалось, будто я слышу невнятный шелест и тихие шаги проходящей мимо процессии монахов. При всей элегантности и роскоши его наряда и искусно наложенной косметике, в Никола де Клераке чувствовался какой-то не вяжущийся с этим аскетизм. Я могла легко представить его в рясе и клобуке.

Он ответил:

– Не знаю. Однако если вы мне позволите, постараюсь узнать.

У меня начинала кружиться голова, и я была не вполне уверена, что правильно его расслышала. Я вырвала свою ладонь из его руки.

– Зачем вам это нужно?

– Возможно, все дело в том, что когда произошло убийство, я был так близко, – сказал он. – А может быть, затем, что, на мой взгляд, раскрыть это преступление в интересах королевы.

– Я все равно узнаю правду.

– Мадам, возможно, вам самой все еще угрожает опасность. Пойдемте, позвольте мне проводить вас до вашей комнаты. С телом вашего мужа здесь ничего не случится, а ваше место рядом с вашим ребенком.

Его нравоучение рассердило меня. Не месье де Клераку говорить мне, где мое место. И у него не было никакой законной причины предлагать мне помощь. Ноги мои подгибались, и у меня снова появилось чувство чрезмерной легкости, но я достаточно хорошо соображала, чтобы притвориться, будто принимаю его предложение. Как сказала бы Дженет, лучше держать черта под дверью, чем выгонять его из дома вовсе. Я буду держать месье де Клерака под дверью, пока не дознаюсь, что им движет.

– Если вы желаете мне помочь, то посмотрите на это, – предложила я. – Те, кто обмывал и одевал его и положил его тело на этот катафалк, не обратили большого внимания... на его рану.

Никола де Клерак сдвинул брови.

– Что вы имеете в виду?

Я снова подошла к катафалку и кончиком пальца коснулась рубина, застрявшего в корке запекшейся крови моего мужа.

– Этот камень не его. Он так и не успел выхватить кинжал и при жизни, не будучи придворным, не носил ни драгоценностей на одежде, ни серег в ушах.

– И откуда, по-вашему, взялся этот рубин? – Никола де Клерак наклонился над камнем, чтобы лучше его разглядеть, и его собственная бриллиантовая серьга коротко блеснула, отразив свет свечей. – Для перстня он слишком мал.

– Он мог украшать кинжал убийцы.

– Тогда это был дорогой кинжал, он не мог принадлежать обычному наемному убийце. Камням такого размера редко придается подобная огранка. Можно, я его выну?

– Нет! – я оттолкнула его руку резче, чем хотела. Он немедля отступил назад. – Я выну его сама.

– Разумеется, мадам. – Его голос прозвучал тихо и сухо.

Я положила руку на лоб Александра и пригладила его золотые кудри. Последнее прикосновение, в последний раз. Затем вынула из раны рубин. Он вышел легко, оставив на моих пальцах несколько чешуек запекшейся крови.

«Я найду твоего убийцу, и правосудие свершится», – подумала я. Я не могу сейчас сказать это вслух, ибо не хочу, чтобы мой обет кто-либо услышал. Но правосудие свершится, в этом я клянусь.

– Возможно, когда-нибудь вы позволите мне рассмотреть его, – сказал Никола де Клерак.

– Возможно.

Мне казалось, что мой голос доносится до меня откуда-то издалека. И снова чудилось, будто я слышу шаги монахов августинцев, все бредущих, бредущих. Они слышались так явственно, что я рывком обернулась. Но никого не увидела.

– Мадам, прошу вас, позвольте мне позвать сопровождающих вас женщин.

Высоко подняв голову, я решительно повернулась, чтобы направиться обратно, к выходу из главного нефа. Но после первого же шага ничком упала в его объятия.

Я слышала, как он зовет Мэри Ливингстон, слышала, как она разговаривает с ним по-французски, и как Элисаун что-то бормочет на эдинбургском диалекте шотландского. Я чувствовала ярость и унижение оттого, что он видит меня такой слабой и беспомощной. Но хуже всего было то, что, в конце концов, он поднял меня на руки, точно малого ребенка, и понес – понес! – к выходу из церкви аббатства.

От него исходил аромат померанца и мирры. Мне показалось, что от него также пахнут усыпляющими лилово-золотистыми цветками сладко-горького паслена. Я продолжала сжимать в кулаке рубин.

Я думала: «Для чего он явился в церковь аббатства, этот месье Никола де Клерак, царедворец и так называемый секретарь, выглядящий как модная картинка? Неужто в самом деле лишь для того, чтобы принести соболезнования горюющей вдове? Или же он тоже рассчитывал найти какие-то улики, связанные с убийством Александра?»

Найти или, наоборот, скрыть?

Случайно ли он оказался поблизости, чтобы дать отпор убийце, но лишь после того, как все было кончено?

И почему он предложил помочь мне узнать правду?»

Мне не стоило показывать ему рубин. Если он был участником заговора с целью убить моего мужа, то он вполне может предупредить убийцу, чтобы тот спрятал свой украшенный драгоценными камнями кинжал или выбросил его в море. Правда, Мария де Гиз любила его и доверяла ему, и он был и умен, и хитер, несмотря на все его франтовство. Это было очевидно.

Между тем я с каждой минутой становилась все легче и подымалась все выше, пока не оставила их всех далеко внизу.

Глава седьмая

Я не желала звать свою дочь Мэри. Это имя выбрала для нее не я, а королева, и я негодовала на ее непрошеное вмешательство в мои дела. Но обряд крещения был совершен, и теперь моя дочь звалась Мэри Гордон в глазах Бога и людей. Но для себя я переделала ее имя в Майри, что по-гэльски означает «горечь», ведь само ее рождение было горьким, как полынь.

У нее были волосы Александра, золотистые, мягкие, как дорогой шелк. Они тоже вились. Однако, глядя на нее, я мысленно видела не цветок царственного золотого ириса, говорящий о солнце, ветре и пролитой крови, шиповник, дикую розу, сладко благоухающую весной и летом, но также горькую, как напиток, что делают осенью из ее плодов. Напиток горький, но бодрящий и целебный.

Я думала, что никогда не смогу полюбить ее. Как же я ошибалась! Я любила ее неистово и самозабвенно, всеми оставшимися у меня силами души.

Разумеется, мне не дали взять ее с собой на заупокойную мессу. После того как я упала в обморок в аббатстве, мне лишь после долгих уговоров позволили пойти самой. Но после всего случившегося прошла уже неделя, и я значительно окрепла, а разум мой прояснился. Из Грэнмьюара приехали тетушка Мар, и Дженет, и Уот и окружили меня своей любовью. Мэри Ливингстон вернулась к королеве, со многими уверениями в вечной дружбе. Я положила рубин в серебряный медальон, который Дженет купила мне в лавке на Хай-стрит, и не снимала его ни днем, ни ночью. Он был на мне, и пока тетушка Мар помогала мне одеться в то утро, когда должны были отслужить заупокойную мессу по Александру.

– Я хочу сходить к мессе, Tante Mar, – сказала я. – Прошла уже неделя, и мне теперь намного лучше.

– Благовоспитанная леди возносит свои молитвы в уединении, – ответила тетушка Мар. – К тому же граф Хантли собирается учинить в церкви скандал, после того как во время последней воскресной службы протестанты поколотили священника королевы. Так что лучше держись от графа подальше.

– Я не боюсь графа Хантли.

– Я тоже, – сказала Дженет, укачивая на руках спящую Майри. – Я пойду с Ринетт, мистрис³⁴ Марго, а вы присмотрите за Майри.

– Я не могу тебе помешать. – Тетушка Мар повидала в Грэнмьюаре слишком много моих детских проказ, чтобы думать, будто ее увещевания могут меня остановить. – Но предупреждаю тебя – ты об этом пожалеешь. В наши дни посещать католические службы стало вообще небезопасно, а тут еще лорд Хантли собирается использовать заупокойную мессу по молодому господину для своих собственных целей.

– Тем больше у меня причин для того, чтобы пойти, – сказала я. Я оставила в своей душе обнесенный непроницаемыми стенами потайной уголок, похожий на гладкий круглый каменный пузырь под часовней Святой Маргариты, и загнала туда и мое горе, и ужас, и чувство вины. Никто не знал, что они там, даже моя любимая тетушка Мар. – Хоть кто-то должен оплакать его как должно.

– О, моя голубка! – Тетушка Мар обняла меня. Возможно, она видела больше, чем я думала. – Хорошо, иди и похорони своего мужа. Но будь осторожна и помни – если ты хочешь вернуться домой, в Грэнмьюар, то чем меньше ты будешь попадаться на глаза Хантли, тем лучше.

---

³⁴ Госпожа (устар. англ.).

– Я не хочу возвращаться домой в Грэнмьюар. – Я немного удивилась, услышав, как произношу это вслух. – Еще не время. Я намерена остаться здесь, при дворе, и дознаться, кто убил Александра и почему. Только после этого мы все вместе поедем домой.

Когда я в прошлый раз видела главный неф аббатства Холируд, он был темен и пуст, теперь же его наполнял свет, струящийся из рядов стрельчатых окон. В церкви толпились люди, и большинство из них пришли сюда не за тем, чтобы присутствовать на заупокойной службе по Александру Гордону. Они были разделены на две группы: просто одетые горожане стояли сзади, а придворные сгрудились спереди, вокруг катафалка. Тело Александра поместили в гроб, а сверху гроба положили похоронный покров, на котором в спешке, вкривь и вкось, лазурью и золотом были вышиты гербы Гордонов и Глентлити.

В чужом черном платье и белой траурной вуали, в сопровождении Дженет, чтобы было кому поддержать меня, если мне станет дурно, я прошла по южному боковому приделу. Никто не обратил на меня ни малейшего внимания.

– Мы не потерпим идолопоклонства в этом Божьем храме. Теперь это приходская церковь самоуправляемого города Кэнонгейта³⁵, и она раз и навсегда очищена от папистских обрядов и молитв.

Я узнала говорящего по его длинной окладистой бороде: это был мастер Джон Нокс, главный проповедник протестантизма в Шотландии. Справа от него стоял глава клана Лесли граф Роутс, с когортой своих сподвижников.

– Это частная заупокойная служба. – Эти слова произнес граф Хантли, предводитель клана Гордонов и самый могущественный из лордов-католиков, коренастый и непомерно разжиревший, с сединой в рыжеватой буйной гриве и бороде. Горцы прозвали его Петухом Севера, и действительно, лицо у него было красное, как петушиный гребень. Дженет слышала в городе, что он разочарован тем, что молодой королеве недостает католического рвения, а также тем, что она назначила своим главным советником лорда Джеймса Стюарта, своего единокровного брата-протестанта. Слово «восстание» еще не было произнесено вслух, во всяком случае, пока, но Хантли был внуком короля Иакова IV от его внебрачной дочери Маргарет Стюарт, и если бы за ним пошли воинственные горцы, жители Северного нагорья, он мог бы даже претендовать на саму шотландскую корону.

– Хватит с нас и того, что королева поклоняется идолам в своих частных покоях! – возгласил Нокс. У него был звучный голос прирожденного оратора, разносящийся по всему главному нефу храма. – Этот дом Божий был очищен от идолопоклонства и ныне используется для правильных служб. И мы никому, даже личному штату королевы не позволим осквернить его вновь!

– Королева повелела, – сказал Хантли, – чтобы никто под страхом смерти не мешал ее придворным отправлять обряды истинной веры.

О, благословенный святой Ниниан! Тетушка Мар была права – Хантли пользовался удобным случаем, чтобы бросить вызов Ноксу в вопросах веры. Горе и негодование возобладали во мне над благоразумием, и я, выйдя из бокового придела храма, встала прямо между двух спорящих мужчин.

– Там, в гробу, лежит мой злодейски убитый муж, – сказала я. Я могла говорить решительно и четко, потому что мои чувства были надежно заперты в своих твердых, как камень, стенах. – Неужели вы хотите опозорить его память, дав волю кулакам прямо над его мертвым телом?

Они так изумились моим словам, что на какое-то мгновение замолчали. Я прошла мимо них и преклонила колена перед катафалком. Дженет опустилась на колени рядом со мной.

---

³⁵ Включен в состав Эдинбурга в 1856 году.

Стоит ли говорить, что они принялись орать друг на друга, едва только я отошла. Я не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, что творится у меня за спиной, но судя по шуму, в церкви все-таки завязались потасовки. Заупокойную мессу так и не отслужили. Я так и не увидела бедного священника королевы, но потом мне сказали, что он бежал, спасая свою жизнь. Я сосредоточила все помыслы на своем муже, как выпуклое стекло фокусирует в одной точке солнечные лучи.

«Александр, – подумала я, – не знаю, как и зачем ты выдал тайну серебряного ларца, но даже если и так, ты все равно не заслуживал смерти. Я разыщу того, кто убил тебя, и увижу, как его за это повесят. Ты можешь спать спокойно, любовь моя, я отомщу, я тебе обещаю».

Тяжелая длань по-хозяйски опустилась на мое плечо.

– Встань, – сказал граф Хантли. У него был низкий, хриплый голос, несколько не похожий на пронзительное кукареканье петуха. – Они уже ушли. Ты храбрая девочка, твой муж мог бы гордиться тобой!

Я встала. От долгого стояния на каменном полу у меня болели колени, и если б не Дженет, я бы пошатнулась. Повернувшись лицом к главному нефу, я увидела, что хотя Нокс и его горожане ушли, в храме все еще оставалось немало народу. Во-первых, конечно, Хантли с полдюжиной крепких мужчин-Гордонов. А также Роутс в окружении членов клана Лесли. И лорд Джеймс Стюарт, единокровный брат королевы. Интересно, не его ли присутствие остановило начавшиеся драки? За его спиной стоял Никола де Клерак. Можно было подумать, что он старается держаться в тени, если бы его слишком высокий рост, золотисто-рыжие волосы и вызывающе роскошный наряд не делали это совершенно невозможным.

– Я пойду, – промолвила я.

– Я увезу тебя домой, в Эбердиншир³⁶, – тут же сказал граф Хантли. Судя по его тону, он был чрезвычайно доволен собой. – Тебя и твою дочь, Мэри Гордон. Ты же знаешь, я был опекуном твоего мужа, и он владел Глентлити как мой вассал. Ты сможешь отдохнуть в моем замке Стрэтбоджи, покуда не будет заключен новый... э-э, новый уговор... касательно тебя и твоих поместий.

– Она Лесли из Грэнмьюара. – Это заговорил граф Роутс, полная противоположность Хантли во всем – моложе, стройнее, с близко посаженными глазами и светло-русыми волосами, коротко и аккуратно подстриженными вокруг ушей. В отличие от всех остальных он был чисто выбрит, если не считать узкой полоски усов. К своему ужасу, среди стоящей за спиной лорда Роутса свиты я увидела Рэннока Хэмилтона из Кинмилла с его вечно угрюмым взглядом. – Хоть она и родила от Гордона, я заберу ее с собой, в замок Лесли, и если понадобится новый уговор о ее делах и наследстве ее дочери, то этим буду заниматься я

«Но будь осторожна и помни – если ты хочешь вернуться домой, в Грэнмьюар, то чем меньше ты будешь попадаться на глаза Хантли, тем лучше».

Мудрая тетушка Мар.

– Я никуда не поеду, – сказала я. Мое холодное бесстрашие удивило и даже немного испугало меня. – И своего согласия на заключение какого-то нового уговора не дам.

Уговор, конечно же, означал заключение нового брака. Да как они посмели толковать о новом браке для меня прямо у гроба моего Александра? Возмущение заставило меня надменно выпрямиться и дало мне силу, чтобы решительно противопоставить свои желания желаниям могущественных вельмож.

– Я хочу остаться здесь, при дворе, – продолжила я. – Я задержусь в Холируде и буду просить у королевы постоянного места среди ее дам.

– Ты здесь не останешься! – сказал Хантли.

– Вы сделаете то, что вам велят, – одновременно с ним сказал Роутс.

---

³⁶ Т. е. графство Эбердиншир.

– Вы сцепились из-за нее, как два пса из-за кости, – промолвил лорд Джеймс Стюарт. – Не подобает вести себя так в Божьем доме.

Его тон, твердый и властный, заставил их обоих замолчать. Я помнила, что когда-то, глядя на него, увидела, что его цветы – это львиный зев и нарцисс, знаменующие коварство и своекорыстие. За тот год, что я провела вдали от двора, в Грэнмьюаре, он изменился. Все это время он, Стюарт по крови и светский глава лордов Протестантской Конгрегации, был фактически некоронованным королем Шотландии. Я по-прежнему чувствовала в нем львиный зев и нарцисс, но теперь к ним добавилась еще и лапчатка – знак мирской власти.

– Милорды, позвольте ли вы мне внести предложение? – Это был Никола де Клерак. Он произнес эти слова вежливым и даже робким тоном, которым испокон веков пользовались все дипломаты. Интересно, почему он всегда тут как тут, чтобы вмешаться в мои дела? – Королева приняла живое участие в мадам Гордон и ее ребенке. Хотя она, разумеется, не могла нынче явиться сюда, я уверен, что у нее будет что сказать относительно будущего мадам Гордон. Разумнее всего было бы ничего не предпринимать до того, как она объявит свое решение.

Мне не очень-то хотелось становиться рабой королевы Марии, ничуть не больше, чем рабой Роутса или Хантли, но это показалось мне наилучшим способом, чтобы остаться в Эдинбурге и добиться места при дворе. Я сказала:

– Месье де Клерак прав. Королева – крестная мать моей дочери, и своею добротой она спасла мне жизнь. Я могу покинуть Эдинбург, только лишь если на то будет ее воля.

– Тогда ты совсем дура, – бросил граф Хантли. – Но как бы то ни было, я на всякий случай оставлю поблизости нескольких Гордонов, чтобы быть уверенным, что, пока суд да дело, никто не сделает попытки похитить тебя или твоего ребенка.

– А я на каждого Гордона оставлю по Лесли, – процедил сквозь зубы граф Роутс. – Поместье Грэнмьюар уже две сотни лет как принадлежит Лесли, и я не допущу, чтобы оно перешло к Гордонам из-за одной глупой девчонки. Они поженились без моего согласия, и я устрою так, что их брак аннулируют, а их отродье станет убудком – и тогда от ваших притязаний не останется камня на камне.

– Довольно, милорды! – Лорд Джеймс Стюарт выступил вперед и встал между Роутсом и Хантли. Хоть он и был бастардом, вид и осанка у него были королевские; и я почти понимала его мать, одержимую желанием сделать его королем Шотландии. – Месье де Клерак прав – решение за королевой. Мистрис Ринетт, – обратился он ко мне, и я не могла не восхититься ловкостью, с которой он так и не назвал меня ни Гордон, ни Лесли. – Возвращайтесь в свои покои в Холируде и будьте любезны оставаться там, пока королева не повелит вам явиться.

Я присела в реверансе, всем своим видом выражая кроткую покорность.

– Да, милорд. С вашего позволения, милорды графы.

Я тяжело оперлась на руку Дженет – причем не только ради пушного эффекта, но и потому, что опять почувствовала слабость и у меня начали подгибаться ноги – и двинулась по главному нефу к выходу. Но не успела я сделать и трех шагов, как путь мне преградила темная фигура. Я поглядела на эту коренастую, мускулистую, угрожающую мужскую фигуру, на это злобное лицо, мне вдруг показалось, что я на мгновение перенеслась в часовню святого Ниниана, в ту минуту, когда этот человек разбил ее двери и ворвался в древнюю церковь, чтобы остановить мое венчание.

– Эта женщина – ведьма, – сказал Рэннок Хэмилтон из Кинмилла.

В нем не было ничего кроме пустоты, хотя обыкновенно в каждом человеке я улавливала аромат какого-нибудь цветка. Я еще никогда не встречала никого, кто бы не источал хотя бы слабый, едва различимый запах цветка или растения. Он посмотрел мне в глаза, улыбнулся и сказал:

– Лучше просто сжечь ее вместе с ее отродьем и взять ее забытый Богом замок силой оружия.

Все они разом выступили вперед: Хантли и Роутс, лорд Джеймс и Никола де Клерак. Мы находились в церкви, и никто из них не был вооружен; если бы не это, вокруг наверняка бы засверкала сталь. Даже Дженет, обняв меня одной рукою, сжала другую в кулак, словно для того, чтобы драться. Сама же я чувствовала, что еще немного – и я рухну на плиты пола.

– погоди, Кинмилл. – Роутс бросил эти слова таким тоном, что стало очевидно – он одергивает своего приспешника только для проформы и в будущем вполне может счесть его зловещую угрозу приемлемым путем решения вопроса. – Королева должна сказать свое слово – а потом свое слово скажем мы.

– Ничего вы не скажете... – начал было Хантли, но его прервала Дженет Мор.

– Покуда вы, господа хорошие, скандалите и орете, будто вас режут, – сказала она со своим простонародным шотландским выговором, – моя госпожа вот-вот хлопнется в обморок. Так что уж сделайте такую милость, дайте пройти.

Это был единственный выход из создавшегося тупика, разве что я упала бы наземь и разбила голову о каменные плиты. Ни один из стоявших вокруг меня мужчин не посторонился бы, чтобы дать пройти другому, но все они разом посторонились, столкнувшись с решительной эбердинширской служанкой, которая плевать хотела и на королевский двор, и на всех шотландских вельмож вместе взятых.

Мы вместе вышли из аббатства. Каждый новый шаг все больше отдалял меня от Александра. Мне захотелось как-то остановить время, но оно, конечно же, продолжало неумолимо течь дальше, вдох за вдохом, минута за минутой.

«Я никогда не соглашусь снова выйти замуж, – подумала я. – Никогда, что бы со мной ни делали. Я никогда больше не выйду замуж и никогда никому не отдам Грэнмьюар – и я найду убийцу и добыюсь, чтобы его покарали».

Глава восьмая

Меня оставили в покое на всю оставшуюся неделю, включая воскресенье; Дженет сказала мне, что мастер Джон Нокс произнес грозную проповедь, обливающую грязью католическую мессу, и что королева потребовала, чтобы он явился к ней и объяснился. Я знала, что вскоре она потребует, чтобы к ней явилась и я, однако пока что я не хотела об этом думать. Я держала на руках мою Майри, мое горькое дитя и рассказывала ей все, что знала, о ее отце. Граф Хантли распорядился, чтобы тело Александра отвезли в Глентлити и похоронили рядом с его отцом и матерью; я хотела, чтобы его погребли в Грэнмьюаре, но никто не спросил, чего хочу я. Я ела и спала и каждое утро и вечер гуляла по галерее. К тому времени, когда королева наконец призвала меня к себе, я почти восстановила свои силы и ясность рассудка.

Мне хотелось бы верить, что я снова стала сама собой, но это было не так. Это место внутри меня, обнесенное каменными стенами, точно такое же, как полость в Эдинбургской скале – оно продолжало разрастаться. Я чувствовала, как твердый, непроницаемый камень постепенно, мало-помалу, захватывает всю мою душу.

Королева приняла меня в приемной на первом этаже северо-западной башни Холируда, украшенной коврами и гобеленами с вытканными на них гербами Шотландии и Франции. Слева был виден вход в еще одну комнату, а справа виднелись ступени каменной винтовой лестницы, наполовину прикрытой гобеленом, изображающим, как три Мойры, греческие богини судьбы, прядут, вытягивают и обрезают нить человеческой жизни. На аудиенции присутствовали брат королевы лорд Джеймс Стюарт, а также второй ее близкий советник, Никола де Клерак. Что до сэра Уильяма Мэйтленда, то он был спешно отправлен в Лондон, дабы умаслить королеву Англии Елизавету Тюдор. Мэри Ливингстон тайком помахала мне рукой, из-за кресла королевы, где она стояла рядом с другой придворной дамой, которую я не знала.

И, конечно же, там была сама королева. Я сделала низкий реверанс. Я практиковалась в них целую неделю, потому что нелегко присесть в реверансе, когда твои ноги все еще слабы и подгибаются, а мне совершенно не хотелось упасть и ударить в грязь лицом. Я выпрямилась и впервые с тех пор, когда мы обе были детьми, взглянула прямо в глаза Марии Стюарт.

Как же мне описать ее, эту мою ровесницу, дважды королеву – вдовствующую королеву Франции и законную королеву Шотландии, – которую называли самой красивой женщиной в Европе, которая получила образование и воспитание при французском, самом утонченном европейском дворе? Она была высокой – это было ясно, даже когда она сидела – и изумительно стройной. У нее были отражающие свет золотисто-рыжие волосы, зачесанные по французской моде назад под капор, сплошь расшитый жемчугами, бриллиантами, агатами и серебряной нитью. Ее миндалевидные глаза, янтарно-золотистые, почти того же цвета, что и волосы, были наполовину прикрыты тяжелыми веками и длинными, блестящими золотыми ресницами. Но более всего в ее лице меня поразил высокий лоб с гладкой белой-белой кожей. Он придавал ей какое-то пришедшее из древних времен достоинство, как у королев со старинных портретов и цветных рисунков в старых рукописных книгах.

Еще вокруг нее мерцал ореол чувственности, такой явственный, что его почти можно было увидеть. От нее пьяняще пахло – но были ли то духи или же ее естественный аромат? – лилиями и розами, мускусом и морскими водорослями. Мне был знаком этот запах, и спустя мгновение я распознала его – так пахли пионы. Она была пионом, прекрасным, но недолговечным, теряющим свои лепестки от малейшего ветра или струй дождя. Белорозовым пионом с черными семенами, символизирующими печаль и ночные кошмары. А я то ожидала, что почувствую что-то более величественное – малиновую розу или огненно-красную лилию.

«Вам не место среди корон и тронов, мадам, – подумала я. – Вы были бы куда счастливее, живя более простой жизнью – в приятном глазу замке где-нибудь в Турени, рядом с красивым молодым мужем и детьми, катающихся на своих пони по саду. Но вы никогда не знали такой простоты – и не узнаете, покуда не станете намного, намного старше. И, по моему, вы не осознаете, какое воздействие оказываете на мужчин, что вдыхают ваш аромат».

– Моя Марианетта, – сказала королева.

Так она звала меня в детстве. В том году во Франции, когда мне было восемь лет – в году, который изменил все в моей жизни, – она упрямо отказывалась называть меня Ринетт. Это имя было слишком похоже на прозвище «la reinette», означающее «маленькая королева», которое порой употребляли, говоря о ней самой. Так что она объединила две версии моего имени: Марина и Ринетт – и получилась Марианетта. Мне это имя не нравилось, потому что оно походило на «marionette», как королева Екатерина де Медичи называла своих гротескных итальянских кукол на веревочках. Но «la reinette», маленькая королева, только смеялась и называла меня Марианеттой еще чаще.

– Обстоятельства не позволяли нам увидеться раньше, – продолжала она. Ее шотландский был очень даже неплох, несмотря на гортанные мягкие нотки французского акцента. – Соболезную вам по случаю кончины вашего мужа и как никто понимаю вашу горе – ведь я тоже недавно овдовела.

– Благодарю вас, мадам, – отвечала я. – Я тоже вам соболезную.

– Я знаю Марианетту с восьми лет, с 1550 года, когда моя матушка приезжала во Францию, чтобы меня навестить, – пояснила королева находящимся рядом с нею придворным. – Сэр Патрик Лесли состоял в ее придворном штате вместе со своей супругой Бланш, урожденной Бланш д'Орлеан, которая звалась так, потому что была внебрачной дочерью старого герцога де Лонгвиля. Она приходилась единокровной сестрой первому мужу моей матери, и матушка была так добра, что называла ее сестрой.

Я стояла как столб. Я не хотела слушать, как она будет рассказывать историю моей матери.

– Когда матушка уже готовилась возвратиться обратно в Шотландию, случилась ужасная вещь – двор поразила лихорадка, и сэр Патрик Лесли умер. Но к этому несчастью добавилось еще одно – леди Бланш от горя помешалась рассудком. Она была чрезмерно привязана к своему мужу.

– Мадам, – начала было Мэри Ливингстон, – возможно, сейчас не самый лучший момент...

– Ее приютили сестры-бенедиктинки из Монмартрского монастыря под Парижем и, к всеобщему изумлению, она отказалась покидать стены обители. Насколько мне известно, она находится там и по сей день. Она вам пишет, Марианетта?

– Нет, – ответила я.

– Тогда, она, быть может, умерла, как и моя матушка. Мне говорили, у вас есть для меня дар, который она отдала вам на хранение.

Она улыбнулась. Она знала, что к ужину молва разоидется по всему дворцу – как моя мать, незаконная дочь французского герцога, сошла с ума и бросила меня. Это, говорило выражение ее лица, поставит меня на место. А выражения лиц лорда Джеймса и Никола де Клерака, которые она не могла видеть, поскольку они стояли у нее за спиной, говорили о том, что они знают: пресловутый дар – это ценнейший приз, и каждый готов был сделать все возможное и невозможное, лишь бы заполучить его первым, во что бы то ни стало опередив другого.

Они знают о ларце. Леди Маргарет Эрскин тоже знала. Это было невозможно – и тем не менее это было так. А если и леди Маргарет, и лорд Джеймс, и месье де Клерак знают, что ларец у меня и что в нем спрятано нечто ценное, то кому же еще это известно?

И как они узнали?

Похоже, единственной из них, кто пребывал в неведении, была сама королева.

– У меня нет его с собою, мадам, – сказала я. – Прошу вас, не могли бы вы поговорить со мною наедине?

– У меня нет секретов от моего брата и моего самого доверенного советника, – Она указала на двух стоящих за ее креслом мужчин. – А вы, Битон и Ливингстон, можете идти.

Две придворные дамы сделали реверанс и удалились.

– А теперь, – сказала королева, – расскажите мне об этом столь таинственном даре.

Я колебалась. Я поклялась Марии де Гиз, что не стану отпирать серебряный ларец; должна ли я сказать ее дочери, что я видела внутри? Или лучше притвориться, что я ничего не знаю о его содержимом?

«Старая королева мертва, а королева французская никогда не узнает, – услышала я голос Александра, сладкий от меда и поцелуев. – Открой его. Я хочу посмотреть».

Александр знал. Он видел, что лежало в ларце, и наблюдал, как я прятала его в тайнике под окном Русалочьей башни.

Мне захотелось убежать и спрятаться в каком-нибудь тихом саду, где я смогу остаться наедине с цветами и солнцем и наконец разобраться, что к чему. Но это, разумеется, было невозможно. Самое лучшее – это притвориться, будто я почти ничего не знаю.

– Это запертый серебряный ларец, – медленно проговорила я. – Что находится внутри него, я не знаю, но ваша матушка, да пребудет ее душа у Господа... – я осенила себя крестным знаменем, и королева и месье де Клерак последовали моему примеру. Думаю, сотворяя крестное знамение, я не столько просила Бога о покое для души Марии де Гиз, сколько об отпущении моего греха – произнесенной мною лжи. Лорд Джеймс, будучи протестантом, не перекрестился. – Ваша матушка хотела, чтобы он оказался в ваших руках, как только вы вновь ступите на шотландскую землю. Она потребовала, чтобы я обещала отдать его вам немедленно. Вот почему я попросила вас об аудиенции в день вашего приезда.

– Comment intrigante³⁷, – сказала королева и впервые полностью раскрыла глаза. Они сияли, как топазы. – Я хочу увидеть его сейчас же. Он в вашей комнате? У вас есть от него ключ?

– Он в надежном месте. И да, у меня есть ключ. Я...

– Я сей же час пошлю за ним солдат. – Это сказал лорд Джеймс своим безапелляционным тоном некоронованного короля. – Это дело государственной важности, и юная девушка вроде вас не должна в него вступать.

– Возможно, за ним лучше послать личных воинов королевы. – Ведь мы не хотели бы, чтоб его содержимого коснулся кто-либо, кроме самой королевы.

Лорд Джеймс, само собой, возмутился.

– Уж не намекаете ли вы, месье, что я сам возьму что-либо из ларца, прежде чем передать его моей сестре?

– Ах, Джеймс, Джеймс! – Королева рассмеялась. Глаза ее заблестели от удовольствия – она наслаждалась ссорой этих двух мужчин и тем, что в ее власти было погасить конфликт или же, наоборот, дать ему разгореться. – Съёр Нико, с вашей стороны ужасно невежливо делать подобные намеки. Извинитесь немедленно.

Никола де Клерак поклонился; лицо его было непроницаемо.

– Как вам будет угодно, мадам, – сказал он. – Милорд, прошу вас простить меня за мою... невежливость

Королева встала. Она была высокой – даже выше, чем я думала. Она, по меньшей мере, на полголовы возвышалась надо мной и на два-три пальца – над своим братом. Месье де

---

³⁷ Как это интригует (*фр.*).

Клерак так и не поднял головы, а он был единственным, кто мог бы посмотреть королеве прямо в глаза. Интересно, он наклонил голову нарочно?

– Давайте пойдем и сей же час посмотрим, что в этом ларце, – сказала Мария Стюарт. – Возможно, матушка положила в него драгоценности. А может быть, письма, в которых говорится, как она меня любила. Мы вместе найдем его и посмотрим, что в нем лежит – это обеспечит нас развлечениями на нынешний день.

– Нет, – вымолвила я.

Они все воззрились на меня. Выражение лица королевы было недоуменно-вопросительным – она явно полагала, что ослышалась, ведь еще никто никогда не отказывался исполнить ее желания. Лорд Джеймс смотрел сердито и обиженно. Месье де Клерак – съёр Нико, как с очаровательной фамильярностью назвала его королева – взирал на меня с любопытством и в то же время с опаской. Стало быть, только он поверил, что я в самом деле откажусь отдавать ларец королеве.

Если я отдам его, то снова стану никем – Ринетт Лесли, восемнадцати лет от роду, имевшей несчастье остаться вдовой с маленькой дочерью на руках, пленницей графа Хантли или же графа Роутса в зависимости от того, кто из них окажется сильнее. Моя грамота королевской ленницы утратила силу со смертью Марии де Гиз. На меня станут жестоко давить, принуждая выйти замуж за какого-нибудь чужака, чтобы дать либо одному, либо другому графу безраздельную власть над Грэнмьюаром. О Грэнмьюар, мой дом, мой сад у моря! Они заберут и укрепят его, чтобы контролировать морские пути в Нидерланды и идущие поблизости древние скотопробитые дороги. Может быть, мне позволят там жить, а может быть, и нет. И все оттого, что я буду никем, и не в моих силах будет помешать им.

Но у меня был ларец Марии де Гиз.

И если я сейчас не отдам его, то смогу заключить сделку и поставить свои условия.

Я смогу сказать: «Никакого нового замужества, ни теперь, ни потом».

Я смогу сказать: «Грэнмьюар мой и только мой, королевский лен, как и прежде, как и всегда».

Я смогу сказать: «Когда убийцу Александра Гордона повесят, тогда я и отдам серебряный ларец в ваши руки...»

Я уже отступила от обещания, данного мною Марии де Гиз. Если я сейчас сделаю то, что задумала, то от клятвы, которую я дала на кресте, вовсе ничего не останется. Я совершу грех, на который прежде считала себя, Ринетт Лесли, неспособной. Умышленный смертный грех.

Ну, что ж, я покаюсь и исполню епитимью, которую наложит на меня священник. Я уже это делала после того, как запугала Рэннока Хэмилтона и его солдат и заставила их убраться из церкви Святого Ниниана. Я сделаю это снова, какова бы ни была епитимья, – ради Грэнмьюара и ради того, чтобы свершилось правосудие.

– Нет, – повторила я. Мой голос прозвучал непривычно, как будто он вовсе не был моим, но конечно же, в ту минуту я не была самой собой. Это было странное чувство – ужасающее и в то же время пьянящее. – Я отдам вам ларец, мадам, но только лишь после того, как вы сделаете для меня кое-что взамен.

– Но он же мой! – воскликнула королева. – Моя матушка желала, чтобы я получила его – вы сами так сказали.

– Вы играете в опасную игру, мистрис Ринетт, – сказал лорд Джеймс. Его голос был резким и жестким, он явно едва сдерживался, чтобы не схватить меня за шкуру и не вытрясти из меня мой секрет силой.

– Это не игра, а простой обмен.

– И что же вы хотите от королевы в обмен на ларец? – спросил съёр Нико тоном, ласковым, как шелк, и вместе с тем жестким, как железный гвоздь.

– Две вещи, – отвечала я. – Во-первых, защиту от графа Хантли и графа Роутса. Я не желаю снова выходить замуж, а только у королевы есть власть сдержать обоих графов и подтвердить, что Грэнмьюар принадлежит мне как лен от короны. Иными словами, я хочу быть хозяйкой своих поместий и прошу королеву пообещать, что меня не станут заставлять повторно выйти замуж

– Это не так уж неразумно, – сказал съёр Нико. – Как по-вашему, мадам?

– По-моему, Марианетта должна сначала отдать мне ларец и лишь потом испрашивать у меня милостей. – В глазах королевы больше не было веселья, а ее нижняя губа оттопырилась. Это было поразительно – она выглядела сейчас точно так же, как в детстве, во Франции, давным-давно, когда нам обеим было по восемь лет и мы, как это бывает с детьми, по какой-то непонятной причине ненавидели друг друга. – Я не понимаю, почему вы хотите торговаться, как будто мы все – торговки рыбой и находимся на рынке.

Нико и лорд Джеймс искоса посмотрели друг на друга. Королева не заметила, как они переглянулись, это видела только я. Их взгляды стоили целого разговора.

– Этот ларец – не просто семейная реликвия, мадам, – сказал Нико. – У вашей матушки были веские причины приказать этой девушке, чтобы она вручила его вам, лишь только вы ступите на шотландскую землю. Королева сделала все, чтобы ларец не попал в руки лордов Протестантской Конгрегации.

– Королева-регентша была дурой, – ответил на это лорд Джеймс. – И мистрис Ринетт было бы куда лучше сейчас же отдать нам ларец, а потом помалкивать и выйти замуж, как ей велят.

– Если моя дорогая матушка желала, чтобы я получила ларец со всем его содержимым, то так оно и будет. – Голос королевы дрогнул. – И вы, братец Джеймс, не сможете мне помешать!

Лорд Джеймс досадливо крикнул, как игрок, вдруг понявший, что переоценил свои карты.

– Я вовсе не хочу в чем-либо вам мешать, сестра.

Нико вновь повернулся ко мне и снова заговорил тоном, одновременно ласковым, как шелк, и твердым, как железо:

– Ваше первое желание не выходит за границы разумного, мистрис Ринетт. Но каково же второе?

Они оба называли меня теперь мистрис Ринетт, как будто у меня вовсе не было фамилии.

– Я хочу, чтобы человек, убивший Александра Гордона, получил по заслугам, – сказала я. – И сам убийца и, если ему заплатили, тот, кто заказал убийство. Я хочу получить место при дворе, чтобы видеть, как ведется расследование, и даже принимать в нем участие, если я этого пожелаю. Только после того, как убийцы моего мужа будут подвергнуты суду, повешены и похоронены, я, мадам, отдам вам ваш серебряный ларец и уеду домой в Грэнмьюар.

Ответом мне было молчание.

Я посмотрела на них троих и подумала: «А не находится ли человек, заказавший убийство Александра, в этой роскошно убранной комнате и не смотрит ли он сейчас на меня?»

– Я не желаю иметь никакого касательства к подобной сделке, – сказал лорд Джеймс. – Сестра, я советую вам заточить мистрис Ринетт в каком-нибудь подходящем для этих целей месте и...

– Какая жалость, что все женские монастыри в Шотландии были закрыты, – проговорил вполголоса Нико де Клерак.

Лорд Джеймс прищурился.

– В каком-нибудь подходящем для этих целей месте, – повторил он. – Отдайте ее ребенка кормилице, отошлите прочь ее слуг, а саму ее посадите на хлеб и воду, покуда не одумается.

– Я не согласен, – возразил Нико. – Мадам, мне кажется, что если вы обойдетесь с мистрис Ринетт сурово, это лишь укрепит ее решимость стоять на своем. Разве я не прав, мистрис?

Он был прав. Но я ничего не сказала.

– Стало быть, мы вернулись к тому, с чего начинали во Франции много лет назад, – сказала королева и посмотрела прямо на меня своими топазовыми глазами – ее взгляд обладал такой силой, а она, похоже, об этом даже не догадывалась. – ReINETTE и Ринетт снова не в ладах. Но теперь, Марианетта, вы увидите, что я уже не маленькая игрушечная королева, какой была тогда. Я приехала в Шотландию, чтобы править, и я буду править!

Я опустила глаза. Я не буду больше говорить, но всем своим видом выкажу ей почтение – это всегда доставляло ей удовольствие.

– Итак, вот вам мое решение, – продолжала она. – Я дам вам место среди моих придворных дам, но за вами будут наблюдать. Вас не станут принуждать к новому замужеству, и ваши поместья, пока вы живете при дворе, будут находиться под моей защитой. Однако я не стану утверждать вас в полном владении ими и в распоряжении получаемыми от них доходами до тех пор, пока вы не отдадите мне ларец.

– А она умнее, чем ее считают, – подумала я, а вслух спросила: – А как насчет убийцы моего мужа?

– Я не могу вам обещать, что его непременно поймают, да вы наверняка и сами это понимаете. Но я велю начать расследование этого преступления от имени короны.

Я склонила голову и сделала глубокий реверанс, как будто это я подчинилась ее воле, а не наоборот.

– Я склоняюсь перед вашим решением, мадам.

– Итак, – сказала она с характерной для нее быстрой сменой настроения, – завтра я покидаю Эдинбург для короткого путешествия на север. Весь мой двор будет сопровождать меня, но вы, Марианетта, поскольку вы еще нездоровы, останетесь в Холируде.

– Я буду ожидать вашего возвращения, мадам.

– Смотрите, никуда не уезжайте. Я назначу людей, чтобы они сопровождали вас, если вы будете выходить в город.

– Конечно, мадам.

– Я не желаю, чтобы вы отдали серебряный ларец моей матушки кому-либо другому.

– Я либо отдам его вам, либо не отдам никому. – Я не шутила. Если бы не сила, которую он давал мне, чтобы добиться того, чего я хотела, я бы спокойно оставила его на веки вечные под часовней Святой Маргариты. – Я буду с нетерпением ждать того дня, когда смогу отдать его в ваши руки.

Глава девятая

– Ринетт, тебя там спрашивает какой-то господин, – сказала Дженет. – Уж не знаю, кто он такой, но вид у него холеный, платье дорогое, и говорит он на английский манер.

Я сидела на середине кровати и играла с Майри. У нее были на удивление сильные пальчики, и она так крепко хватала меня ими за указательный палец, что я могла немного приподнять ее с простыни. Сегодня ей исполнился месяц.

– Разве он не назвал своего имени? Почти все придворные путешествуют по северу страны с королевой, а больше я никого в Эдинбурге не знаю.

– Он сказал, что его фамилия Уэдерел. Никакого титула, просто мастер Уэдерел. – Дженет произнесла это так, словно считала, что он лжет и что это не настоящее его имя. Как бы то ни было, я никогда не слыхала этого имени прежде.

Последние две недели протекли тихо. И день, и ночь у моей двери стояли двое конюших с королевскими гербами на рукавах, словно два крепких, колючих куста чертополоха, и за все это время я не видела никого, кроме тетушки Мар, Дженет, Уота Кэрни и моей драгоценной Майри. Я выходила за порог дворца Холируд лишь затем, чтобы по часу в день гулять по саду. Лирид доставили в Эдинбург, и мне ужасно хотелось покататься на ней пусть даже только по Хай-стрит и обратно, пусть даже шагом, сидя на положенной поверх седла подушке, в сопровождении Уота, ведущего мою кобылу под уздцы. Но тетушка Мар категорически запретила мне все верховые прогулки. Никаких поездок верхом, сказала она, вплоть до самого Нового года, потому что роды у меня были слишком тяжелые.

Я сучала. Мне хотелось задавать вопросы, я жаждала осмотреть каждый кинжал на поясе каждого мужчины в городе, в поисках пустого гнезда от недостающего рубина на рукояти.

– А как же королевские стражи? – спросила я. – Они не остановили этого мастера Уэдерела?

– Они только зорко посмотрели на него, однако не остановили.

– Хорошо, я поговорю с ним. А где тетя Мар?

– Там же, где и всегда – в часовне.

– Тогда посиди с Майри, ладно?

Я слезла с кровати и, как могла, разгладила юбку. Коричневое полотно все равно осталось мятым, но меня это не смущало – я всего-навсего собиралась перекинуться парой слов с каким-то чужаком. Причем даже не шотландцем, а англичанином.

– Если я тебе понадобится, покричи мне, – сказала Дженет. – Но с таким, как этот, справиться будет пара пустяков – достаточно разок огреть его по башке табуреткой, и он с копыт долой.

Я понимала – она говорит так, чтобы вызвать на моем лице улыбку. Я постаралась улыбнуться, постаралась изо всех сил. Может быть, у меня даже что-то получилось.

В маленькой приемной меня ожидал господин среднего роста и коренастого, грузного телосложения. Дженет была права – вид у него и впрямь был холеный; его густые седые волосы были напояжены и зачесаны назад с низкого лба, одежда сшита на заказ и тщательно выглажена, сапоги начищены до блеска, а руки были белыми, чистыми и мягкими. Его голова, казалось, сидела прямо на его плечах, без каких бы то ни было признаков шеи. Он отвесил мне изысканный и церемонный придворный поклон.

– Мистрис Лесли? Позвольте представиться: я – Ричард Уэдерел, и я служу у мастера Томаса Рэндольфа. Мастер Томас, как вы, возможно, знаете, сейчас сопровождает королеву в ее поездке по северу страны, но он попросил меня посетить вас, пока он в отъезде.

Голос у него был вкрадчивый, елейный, и он говорил по-шотландски, как будто это его родной язык. Возможно, так оно и было; за последние годы многие шотландцы переметнулись на сторону англичан и переменили подданство. Томас Рэндольф был агентом английской королевы – вроде бы тайным, но об этом знали все – и действовал в английских интересах еще во времена регентства Марии де Гиз. Он не скрывал своих протестантских взглядов и водил тесную дружбу с лордами Конгрегации. Значит, мастер Уэдерел тоже протестант.

– Добрый день, – сухо сказала я. Мне не очень-то хотелось с ним разговаривать, но его визит, пожалуй, внесет хоть какое-то разнообразие в череду похожих друг на друга дней. – Не могу предложить вам особого гостеприимства, но, по крайней мере, пожалуйста, сядьте.

В приемной стоял маленький столик и два стула – и больше никакой мебели. Никаких табуреток. Интересно, смогу ли я в случае чего поднять этот столик? Мастер Уэдерел подождал, покамест я сяду – манеры у него были такие же елейные, как и голос, – и только после этого уселся на второй стул.

– Во-первых, позвольте мне выразить глубокие соболезнования как от лица сэра Томаса, так и от себя, по случаю безвременной кончины вашего супруга, – сказал он. – Ужасное несчастье, и притом произошедшее посреди таких радостных торжеств!

«Ни ты, – подумала я, – ни твой сэр Томас никогда не встречались с Александром и не знали его. И ты совершенно не знаешь меня. Так с какой же стати ты пришел сюда и выражаешь соболезнования?»

Но вслух я не сказала ничего.

– Вероятно, вы думаете, что ни сэр Томас, ни я не знали вашего супруга, – сказал он, словно прочитав мои мысли, – но это не так. В последние несколько месяцев сэр Томас состоял с ним в переписке, а я отвозил его письма и дважды встречался с вашим мужем в Эбердине.

– Вы встречались с ним? – Я вспомнила те дни, когда Александр ездил из Грэнмьюара в Эбердин. Он говорил тогда, что уезжает по делам своего имения Глентлити. Именно после этих поездок он заговорил о королевских дворах и о радостях и престиже придворной жизни. – В Эбердине?

– Именно так. Прекрасный молодой джентльмен, если мне будет позволено высказать свое мнение.

– Но зачем? Что общего было у Александра и посла английской королевы?

Мастер Уэдерел опустил взгляд на свои мягкие белые руки. На них было три кольца – два на одной и одно на другой. Среди них имелся перстень с граненым рубином. Интересно, есть ли у этого господина кинжал?

– Это вопрос довольно деликатный, – промолвил он. – Известно ли вам, мистрис Лесли, что у вашего мужа был... была, э-э, некая реликвия, оставленная ему покойной королевой-регентшей Марией де Гиз? Он был ее близким, доверенным другом; уверен, что хотя бы это вы знаете.

– Он был – кем?

– Он был одним из ее шотландских конюших, и она относилась к нему как к сыну. Ее собственные сыновья, как вы, разумеется, знаете, умерли. Ваш муж родился в тот же день и год, что и принц Джеймс, старший из ее сыновей от Иакова Стюарта – и это создало узы привязанности между ним и старой королевой.

– Все это неправда, мастер Уэдерел, – сказала я. Я была так ошеломлена фантастической выдумкой о том, что Александр будто бы родился в тот же день, что и бедный маленький принц Джеймс, что до меня не сразу дошла вторая, еще большая ложь – что Александр был конюшим Марии де Гиз. – Александр никогда бы не сказал ничего подобного, так что я не верю, будто вы, как вы утверждаете, в самом деле встречались и говорили с ним.

Он задумчиво посмотрел на меня. Большинство мужчин рассердились бы, если бы их так прямо обвинили во лжи. Интересно, мастер Уэдерел еще помнит, как сердиться, или же он столь давно подвизается на дипломатическом – и, по всей вероятности, шпионском – поприще, что совершенно утратил обычные человеческие чувства?

– Уверяю вас, мистрис Лесли, я действительно дважды встречался с вашим мужем в Эбердине. Однако встречался я с ним или нет, и сказал он мне правду или неправду, – это вещи второстепенные. Важно другое – та реликвия, которую он получил от королевы-регентши. Он обещал передать ее сэру Томасу и через него, само собой разумеется, королеве Англии в обмен на соответствующую плату. И цель моего визита – не только выразить вам соболезнования как вдове молодого сэра Александра, но и изыскать путь осуществить сей обещанный сэру Томасу обмен.

Я еще никогда не слышала, чтобы в одном кратком высказывании было употреблено так много замысловатых и бессмысленных фраз.

– Позвольте мне говорить без обиняков, мастер Уэдерел, – сказала я. – Не знаю, встречался ли Александр с вами в Эбердине или нет – время от времени он ездил в город по своим делам. Но он совершенно точно не родился в тот же день и год, как кто-либо из двоих маленьких принцев. И у него не было никаких отношений с Марией де Гиз. Не являлся он и обладателем какой бы то ни было реликвии, а если бы и являлся, то ни за что не продал бы ее англичанам. Так что вас, мастер Уэдерел, ввели в заблуждение.

Он провел рукой по своей густой седой шевелюре, словно пытаясь пригладить пряди, которые от ужаса встали дыбом.

– Стало быть, вы утверждаете, – проговорил он своим вкрадчивым тоном прожженного дипломата, – что ваш супруг не являлся обладателем серебряного ларца с письмами, который прежде принадлежал Марии де Гиз? Ларца, в коем хранились личные конфиденциальные бумаги старой королевы?

«...Серебряного ларца с письмами, который прежде принадлежал Марии де Гиз...»

О Александр! Откуда он это знает? Сколько раз ты предал меня?

– Да, – сказала я, ни на йоту не отступив от истины, – именно это я и утверждаю. Мой муж никогда не был обладателем подобного ларца.

– Быть может, он спрятал его, не сказав вам?

– Нет, это невозможно.

Я стала вспоминать, кто присутствовал на моей аудиенции у королевы Марии Стюарт, когда я призналась, что ларец спрятан в надежном месте, и заключила свою собственную сделку – обещала отдать его в обмен на... как там выразился мастер Уэдерел? Ах, да – на соответствующую плату. Итак, там, разумеется, была сама королева Мария. И лорд Джеймс, и месье Никола де Клерак. Там еще были две дамы: Мэри Ливингстон и Мэри Битон – им велели удалиться, но они вполне могли подслушивать под дверь. Быть может, кто-то из них шепнул кому-нибудь еще, что серебряный ларец Марии де Гиз у меня? Быть может, вся эта болтовня мастера Уэдерела – всего лишь вымысел, придуманный после того, как его хозяин узнал, что ларец у меня, и решил таким образом заставить меня почувствовать себя обязанной продать его англичанам?

– Похоже, мы зашли в тупик, – сказал мастер Уэдерел. – Думаю, мне следует подойти к этому делу с другого конца и сообщить вам, что, как мы думаем, содержится в этом ларце и что сэра Томас обещал вашему мужу в обмен на него.

– А я думаю, не стоит. – Я встала, и, само собой, мастер Безшей Сахар-Медович вынужден был тоже встать. – И прошу вас передать сэру Томасу следующее: если такой серебряный ларец существует и если в нем хранятся конфиденциальные бумаги, то Мария де Гиз предназначила его для своей дочери и ни для кого, кроме нее.

– Он существует, – твердо сказал Ричард Уэдерел. Его личина лощеного дипломата с безупречными манерами слегка сползла, и из-под нее блеснула сталь холодной беспощадности. – А Мария де Гиз давно умерла. Ваш супруг согласился отдать нам ларец со всем содержимым в обмен на тысячу золотых соверенов, английский баронский титул и земли и место при дворе королевы Елизаветы. То же самое мы можем обещать и вам, мистрис Лесли. Конечно же, это лучше, чем сидеть здесь, в четырех стенах, и быть фактически узницей.

– Я не узница! – Я чувствовала ярость и боль из-за предательства Александра и легкий страх при мысли о той непомерно высокой цене, которая была предложена за ларец. – Я придворная дама королевы Марии и сейчас нахожусь здесь, в Холируде, вместо того, чтобы сопровождать ее в поездке вместе с остальным двором, лишь потому, что еще не вполне оправилась после рождения дочери.

– Ах да, у вас есть дочь, – сказал Ричард Уэдерел. – У меня тоже есть дети. Разумеется, они сейчас в Лондоне, и я по ним скучаю. Вы позволите мне познакомиться с вашей малюткой?

– Нет, не позволю. – Дети в Лондоне – как бы не так! Я не поверила ему ни на секунду и, конечно же, не дам ему приблизиться к Майри. – Мастер Уэдерел, вы глупец и ваш хозяин тоже, если вы мните, что я когда-нибудь покину Шотландию. Я – Лесли из Грэнмьюара, и я останусь Лесли из Грэнмьюара до самого своего смертного часа. Ни английское золото, ни английские титулы мне не нужны.

– Стало быть, ларец все-таки у вас.

– Нет, у меня его нет. – Это утверждение было ложным лишь отчасти, ведь ларец Марии де Гиз в самом деле находился не у меня, а в потайном подвале под часовней Святой Маргариты. К тому же мне было все равно, лгу я этому субъекту или нет. – Прощайте, мастер Уэдерел.

Он поклонился и вышел вон, а я так и осталась стоять, глядя ему вслед. Я была так потрясена, что даже не могла позвать Дженет.

«Известно ли вам, мистрис Лесли, что у вашего мужа был... была, э-э, некая реликвия, оставленная ему покойной королевой-регентшей Марией де Гиз?»

Не может быть! Александр никогда бы не сказал ничего подобного, не стал бы утверждать, что старая королева оставила ларец ему, и уж конечно не стал бы предлагать его на продажу англичанам! Это какая-то из придворных дам молодой королевы подслушала под дверь во время моей аудиенции и передала агенту англичан Рэндольфу, что серебряный ларец Марии де Гиз существует. А потом Рэндольф и его седовласый лакей сели и состряпали историю о письмах и встречах, с человеком, который убит и уже не может опровергнуть их ложь. Они надеялись, что их выдумка так потрясет меня и выбьет из колеи, что я просто отдам им ларец, возьму их проклятое английское золото и, перейдя границу Шотландии, молча исчезну в каком-нибудь захолустном английском поместье.

Жалкие глупцы.

Я сказала конюшиму королевы, моим сильным, прямым побегам чертополоха, что более не желаю видеть никаких визитеров, пока королева Мария не вернется в Эдинбург. Быть может, череда однообразных дней, в конце концов, не такая уж плохая вещь.

– У тебя лицо белее молодого сыра, – заметила Дженет, когда я вернулась в опочивальню. – Что он тебе сказал?

– Да так, наговорил разных... вещей. – Я хотела сказать «разных врак», но так и не смогла заставить себя произнести это слово. Я села на кровать, и Дженет отдала мне Майри.

– Каких вещей? – спросила она.

– Дженет. – Я наклонила голову и коснулась губами лба Майри. Он был теплым и гладким, гладким, как шелк. От нее пахло мылом с отдушкой из диких роз. – Скажи мне, что ты думала об Александре?

Последовала долгая пауза. Майри гукала и пускала пузыри.

– Он был красив, как картинка – этого у него не отнимешь, – заговорила, наконец, Дженет Мор. – И, наверное, хотел как лучше – и любил тебя, как только мог любить кого-либо, кроме самого себя.

Я слотнула. Я не могла заставить себя взглянуть ей в глаза.

– Я знаю, как сильно ты любила его, Ринетт. Но когда ты увидела его впервые, тебе было двенадцать, а ему шестнадцать – не удивительно, что в твоих глазах он был героем – солнцем, луной и звездами в одном лице. Ты ухаживала за ним, ведь у него была сломана рука – и какая девушка не влюбилась бы в него, такого красивого и беспомощного? Я и сама тогда наполовину в него влюбилась.

– Но твоя влюбленность долго не продлилась.

– Это потому что мне никто не говорил, что мне нельзя его любить, а тебе и твоя бабушка, и мадам Лури твердили это день-деньской. А ничто не влюбляет девушку в парня больше, чем такие вот запреты.

Я подумала над ее словами. Она была права. Сначала бабушка и тетя Мар, потом старая королева – все они разлучали меня с Александром, но из-за этого мне хотелось заполучить его только еще сильнее.

– Он приехал в Грэнмьюар, когда я нуждалась в нем, – сказала я.

– Верно. Но в часовне Святого Ниниана... мне рассказала мадам Лури. Он не стал за тебя сражаться.

Мои глаза жгли непролитые слезы.

– Нет, не стал.

– Ты чего-то недоговариваешь. – Дженет пропустила между пальцев золотой локон Майри. – Я вижу, Ринетт, это отравляет твою душу и как-то связано с Александром.

Я сделала глубокий вдох. Если я сейчас выскажу это вслух, мне придется этому поверить. Пока я еще могла остановиться, могла сказать Дженет, что Александр здесь ни при чем.

– Ринетт, голубушка, скажи мне.

– Он предал меня. – После этих первых слов сказать все остальное было уже легко. – Дженет, ты помнишь серебряный ларец, который старая королева отдала мне в ночь своей смерти?

– Помню.

– Так вот, Александр взял его из моего тайника, открыл и описал его содержимое – и написал письма, Дженет, письма лорду Джеймсу и послу королевы Англии, и я даже не знаю, каким еще важным персонам, прося у них денег и милостей. Он попытался продать серебряный ларец старой королевы и тем самым навлек опасность на себя – а может быть, и на нас всех, и если мне не удастся отбиться, королева может заставить меня выйти замуж за того, кого она укажет, и тогда я могу потерять Грэнмьюар.

Тут я вдруг поняла, что кричу во весь голос и дрожу от гнева. Майри заплакала, и Дженет взяла ее у меня и уложила в колыбель. Затем вернулась ко мне и обняла меня так нежно, словно я тоже была малым ребенком.

– Матерь Божья, Ринетт, мне так тебя жаль! Конечно же, мы все постараемся тебе помочь, чем только сможем. Но если хочешь знать правду, я нисколько не удивлена. Твой Александр никогда не был бы счастлив в Грэнмьюаре. И в своей голове он повернул бы все так, будто проворачивает это дело ради тебя, своей любимой жены. В конце концов, он и сам бы в это поверил.

– Наверняка из-за этого его и убили, – сказала я. – Возможно, он еще кого-нибудь предал. Возможно, кто-то предал его. А может быть, кто-то просто хотел его остановить. О Дженет, я так его любила! Я вижу его каждый раз, когда смотрю на Майри.

– Так и должно быть. И все-таки хорошо, что ты взглянула правде в лицо, Ринетт, потому что только так сможешь решить, что делать дальше, и это будет осознанный выбор.

– Я никогда не перестану любить его, что бы он там ни сделал.

– Первая любовь есть первая любовь. Ни одна женщина ее не забудет

Я посмотрела на нее.

– А кто твоя первая любовь, Дженет?

Она улыбнулась.

– Я пока еще его не встретила. Но он мне снился. Думаешь, я никогда не ходила в поля в полночь, в канун дня святой Агнессы, не бросала зерна пшеницы и не говорила:

«Прекрасная Агнесса,
Пусть во сне
Придет мой суженый ко мне?»

Я улыбнулась сквозь слезы.

– Надеюсь, ты скоро его встретишь.

– Я тоже надеюсь.

– Я все равно добьюсь, чтобы убийцу Александра нашли и справедливость восторжествовала. Что бы он ни сделал, он не заслужил, чтобы ему перерезали горло в толпе на Хай-стрит.

– Справедливость – вещь хорошая, но добиваясь ее, будь осторожна. Она не стоит того, чтобы за нее умирать.

Глава десятая

Королева со свитой вернулась в Эдинбург в конце сентября и снова поселилась в своей башне. Теперь дворец Холируд каждое утро оживал: сюда являлись придворные и послы, рабочие приносили гобелены, ковры и картины, там и сям группами по двое и по трое стояли смеющиеся дамы и кавалеры и время от времени, когда им казалось, что их никто не видит, целовались. Меня навестила Мэри Ливингстон и помогла мне пополнить мой скудный гардероб, чтобы я не выглядела как деревенская простушка из Эбердиншира, когда займу свое место среди фрейлин королевы Марии. Мэри принесла мне подаренные мне королевой отрезки шелка и бархата, кружева, ленты и даже серебряный парчовый нагрудник для платья и пару черных бархатных расшитых мелким жемчугом рукавов. Сложив все эти сокровища на кровать, она начала выкладывать сплетни о поездке королевы по стране – в замке Стерлинг занавески кровати королевы загорелись, а в Перте она лишилась чувств прямо на улице.

– Жаль, что ты не видела в Стерлинге леди Хантли и не слышала ее речей. После того как мы потушили пламя, она вдруг заявила, что существует древнее пророчество, будто в Стерлинге будет заживо сожжена королева. Кстати, леди Хантли держит при себе ведьм, так что ее саму вполне могут сжечь заживо, если она не поостережется.

– А королева в самом деле получила ожоги?

– Лишь самую малость, так что даже следов не останется. Джин Аргайл опрокинула на кровать подсвечник, вот занавески и вспыхнули. Королева скорее воодушевилась, нежели испугалась – она сказала, что пожар и пророчество доказывают, что она законная королева Шотландии.

– Конечно, она законная королева – как же иначе?

– Не для всех, во всяком случае, не для протестантов. Люди встречают ее на улицах, держа в руках дохлых кошек, выраженных как католические священники, и с выбритыми макушками³⁸.

– Так вот что произошло в Перте?

– Не уверена. Я была слишком далеко позади нее и не видела, что там случилось. Тогда рядом с нею находился съёр Нико де Клерак – он-то и отнес ее в ближайший дом, когда она лишилась чувств. Он тогда был у нее в особенно большом фаворе, так как она гневалась на лорда Джеймса за то, что тот прервал ее мессу в Стерлинге.

Я вдела левую руку в один из рукавов. Он был расшит серебряной нитью, и везде, где линии вышитого узора пересекались, к бархату были пришиты крошечные жемчужинки. Рукав был длинноват, но его можно было укоротить.

– А что, весь двор все еще в черном?

– Да, вплоть до того дня, когда исполнится год со дня кончины французского короля, – это будет в декабре. Правда, можно увидеть много серебряного шитья и вышивки жемчугом, и белого, и всех оттенков серого: от ивового цвета до сизого и серовато-желтого. В воскресенье должен состояться большой банкет и представление в масках, чтобы должным образом проводить дядю королевы, великого приора Мальтийского ордена, монсеньера де Дамвиля и других дворян, которые возвращаются во Францию. Королева желает, чтобы ты пришла – твои сорок дней, первый *deuil*³⁹ уже позади, и ты можешь, не нарушая приличий, вернуться в свет, если, конечно, будешь при этом одеваться только в черное и белое.

– А кто еще там будет?

---

³⁸ Намек на тонзуру – выбритое место на макушке католических духовных лиц.

³⁹ Траур (*фр.*).

Я приложила рукав к отрезу черного бархата. Оттенки черного немного различались, впрочем, скучным был любой черный тон.

– Да все! – Мэри Ливингстон рассмеялась. – Мастер Бьюкенен написал текст для представления по-латыни, ролей со словами всего десять – Аполлон и девять муз. Королева будет играть Аполлона, а великий приор – Клио; он говорит, что история Мальтийского ордена насчитывает столько веков, что он идеально подходит на роль музы истории. Месье де Дамвиль сыграет роль Эрато⁴⁰ – он вечно пишет королеве любовные стихи. Они репетируют каждый день, и все смеются, глядя, как они все время спотыкаются о полы своих длинных шелковых одежд.

– Королева играет Аполлона? Мужскую роль?

– Вот именно. В этом-то и соль – королева играет Аполлона, а всех муз играют мужчины. Маркиз д'Эльбёф играет Талию⁴¹ – он самый молодой и самый очаровательный дядя королевы. Сын графа Хантли сэр Джон Гордон тоже играет какую-то из муз, и единокровный брат королевы лорд Джон Стюарт из Колдингема – тоже. Еще участвуют съёр Нико и, само собой, двое придворных поэтов: де Брантом и де Шастеляр. Лорда Джеймса королева уговаривала и так, и сяк, но он слишком ярый кальвинист, чтобы согласиться надеть женское платье, даже если это всего лишь шуточный маскарад.

У меня защемило сердце. Как бы радовался таким увеселениям Александр! Как прекрасно он сыграл бы роль Талии или Эрато!

– Я думаю, мастер Нокс не преминет обрушиться на двор с гневными проповедями.

Мэри Ливингстон рассмеялась.

– То же самое сказал Босуэл. Ты ведь знаешь Босуэла? Он был ярым приверженцем старой королевы, а его сестра Джин сразу после Крещения выходит замуж за лорда Джона Стюарта. Таким образом, он станет родичем королевы, что конечно выводит лорда Джеймса из себя.

Я помнила Босуэла. Он напоминал мне окопник – с волосистыми стеблями и листьями, достаточно ядовитыми, чтобы от прикосновения к ним чесались руки; с соцветиями трубчатых цветков, похожих на жадные пальцы, такими вяжущими, что, по старому поверью, они могли восстановить утраченную девственность. Босуэлу бы это пригодилось – толковали, что он лишил невинности несметное множество девиц. У него были грубые манеры и еще более грубый язык – он знал непристойные выражения на четырех языках и не стеснялся пользоваться ими в речи – однако Мария де Гиз питала к нему симпатию и доверяла ему. Я попыталась представить себе Босуэла в древнегреческих женских одеждах и невольно рассмеялась – впервые после смерти Александра.

– Но уж Босуэл-то, конечно, не напялит женский костюм?

– Mon Dieu⁴², нет! И когда ему предложили, он расхохотался, совсем как ты сейчас.

– Но если мужчины обрядятся в женские одежды, то во что же будет одета сама королева?

– Она повелела соорудить для себя потрясающий костюм – ниспадающую красивыми складками белоснежную короткую мужскую тунику и телесного цвета рейтузы из тафты, так что поначалу будет казаться, что ноги у нее голые.

– Не может быть!

– Представь себе, может! Она будет похожа на прекрасного юношу с древнегреческой вазы. На ней будет маска лебедя, ведь лебедь, как ты знаешь, – это птица Аполлона, а на пле-

---

⁴⁰ Эрато – в древнегреческой мифологии – муза любовной поэзии.

⁴¹ Талия – муза комедии.

⁴² Мой Бог (фр.).

чах у нее будут доходящие до самого пола большие лебединые крылья, сделанные из перьев и белого шелка и усыпанные блестками. Подожди, увидишь сама. Это просто *magnifique*⁴³.

Я воззрилась на нее, раскрыв рот, не в силах скрыть свое изумление, попыталась представить себе подобный костюм при дворе Марии де Гиз – и, разумеется, не смогла. В конце концов я спросила:

– А у тебя там есть роль?

– Нет. И у других дам тоже нет. В представлении участвуют только королева и мужчины, играющие муз. – Она обняла меня рукою за плечи, приветливо и беззаботно. – Полно, Ринетт, пусть тебя это не шокирует. Во Франции подобные представления в большой моде, а мы стараемся все сделать так, чтобы угодить французским дядьям королевы. Все остальные придворные будут одеты в свое собственное платье и призваны исполнять важную роль изумленной, заинтригованной и приятно эпатированной публики. У тебя есть черные туфельки к твоему черному наряду?

– Нет, только вот эти коричневые.

– Тогда я одолжу тебе пару своих. Ты непременно должна выглядеть *à la mode*⁴⁴, когда впервые появишься при дворе в качестве фрейлины королевы.

Так я и явилась на воскресный вечер, когда давали представление, – в подаренных королевой черном бархате и нагруднике из серебряной парчи и в черных атласных туфельках Мэри Ливингстон. Все глаза были устремлены на королеву, высокую, стройную и прямую, с идеально красивыми ногами в мужских рейтузах из телесного цвета тафты, с глазами, блестящими от удовольствия в раскосых прорезях ее лебединой маски. Ее крылья были ослепительны – длинные, сделанные из белоснежных перьев, усыпанные блестками и драгоценными камнями, они обрамляли ее лицо и ниспадали на спину, лениво волочась по расстеленному на полу галереи кроваво-красному турецкому ковру. Она исполняла роль Аполлона на безупречной латыни – то есть она казалась безупречной мне, хотя все мое знание этого древнего языка уместилось бы в оловянной кастрюльке, и притом небольшой, – и танцевала с неземной грацией и достоинством. В эти мгновения она выглядела очень по-французски, и, взглянув на лорда Джеймса, я увидела презрение на его мрачном истинно шотландском лице. Ну конечно, ведь он приходился ей братом. Зато все остальные мужчины: как католики, так и протестанты – смотрели на нее с вождением.

Французы играли роли муз изящно и со вкусом – они явно привыкли исполнять женские роли. Шотландцы же вели себя более скованно и нередко прыскали со смеху в те минуты, когда по роли должны были бы изрекать серьезные латинские сентенции. Когда на красный турецкий ковер под хихиканье всех присутствующих дам, помахивая из стороны в сторону подолом своего длинного хитона, вышел Джон Семпилл из Белтриза, играющий роль музы танца Терпсихоры, ко мне подошел небольшого роста кряжистый господин, одетый в ничем не украшенный костюм из черного шелка.

– Мадам Ринетт, – проговорил он тихим голосом с сильным французским акцентом. – Можно вас на пару слов.

Я не помнила, чтобы где-то видела его прежде, и его военная выправка и скромное платье выглядели странно на фоне богатых нарядов придворных и фантастических одеяний участников представления. У него были коротко подстриженные волосы и зеленовато-серые глаза, такие светлые, будто они выцвели из-за того, что он повидал слишком много.

– Простите меня, месье, – сказала я, – но если меня вам и представляли, я, к сожалению, этого не помню.

---

⁴³ Великолепно (*фр.*).

⁴⁴ Модной, модно одетой (*фр.*).

– Я Блез Лорентен, *à votre service*, – ответил он. – Я в некотором роде из ведомства французского посла, хотя и не состою на службе у самого месье де Кастельно.

– Звучит очень таинственно, – заметила я. Я не желала говорить с ним. Мне хотелось посмотреть представление.

– Я бы желал поговорить с вами наедине, – сказал он. – Насколько мне известно, вы уже имели беседу с мастером Уэдерелом, и, прежде чем вы продолжите ваше... знакомство... с этим господином, я бы хотел также обсудить с вами одно весьма важное и срочное дело.

– Не могу себе представить, какое такое срочное дело может быть у меня с вами. – Королева снова начала декламировать латинские стихи, и голос ее был мелодичен и звонок, как у ангела. Она и выглядела бы как ангел в своей белой шелковой тунике, с длинными, волочащимися по полу фантастическими крыльями, если бы не ее бесконечные ноги, затянутые в телесного цвета тафту. – Я не знаю вас, месье, и мне не нравится, что вы следите за теми, кто меня посещает.

– Любой имеет право смотреть, кто входит в Холируд и кто из него выходит. Я желаю поговорить с вами о вашем муже, мадам, – видите ли, я был с ним знаком.

Я почувствовала, как по моим щекам и лбу разлилась краска. «Нет, – подумала я. – Неужели и этот тоже?»

Вслух я немного нетвердо произнесла:

– Не представляю, как это может быть, месье. Мой муж никогда не бывал во Франции. Возможно, вы его с кем-то спутали...

– Его звали Александр Гордон из Глентлити, владелец Грэнмьюара в силу его брака с леди Мариной Лесли. Вы, мадам, и есть Марина Лесли из Грэнмьюара. Так что все точно, никакой путаницы нет.

– Что бы вы ни имели сказать, я не желаю это слушать. – Сердце мое колотилось, внутри все оборвалось, и мне отчаянно хотелось сей же час убежать. – Прошу вас извинить меня, месье. Я неважно себя чувствую.

Он с силой сжал мое запястье. Пальцы у него были холодные и показались мне неестественно бескостными, словно мою руку крепко оплели лианы. Мысленно я вдруг представила дикий переступень, вьющийся, оплетающий все вокруг, с белыми цветками, на глазах превращающимися в зловонные ягоды цвета растворенной в воде крови. Во Франции его называют *navet du diable* – чертовой репой из-за его мясистого белого корневища.

– Пустите, – сказала я.

– Я все равно поговорю с вами, хотите вы того или нет.

Он произнес это так громко, что все в комнате вдруг замолчали. Королева оборвала свою речь, обращенную к Терпсихоре. Сама Терпсихора, а вернее Джон Семпилл, перестала размахивать своей картонной, усыпанной блестками лирой и, не скрываясь, уставилась, то есть уставился на меня. Музыканты перестали играть и опустили музыкальные инструменты.

– Вы мешаете представлению, – холодно сказала королева. Она даже не назвала меня по имени. – Не слишком ли рано вы начали ссориться со своим любовником, вы, так страстно желающая отомстить за убийство вашего столь горячо любимого мужа?

Все оборотились и воззрились на меня. От унижения я вся жарко покраснела – от одолженных у Мэри Ливингстон туфелек и до корней волос, – я словно вся горела и понимала, что все истолкуют это превратно, как признание вины. Даже если бы я могла придумать, что сказать, вряд ли мне удалось бы достаточно совладать со своим горлом, языком и губами, чтобы произнести это вслух. Француз, чтоб его черти взяли и утащили в самые глубины ада, все еще сжимал мое запястье, так же, как и я, застыв на месте от ледяных слов королевы.

– Это не мистрис Ринетт, а месье Лорентен мешает представлению, мадам, – раздался откуда-то сзади безжалостный, как острие бритвы, мужской голос. В ту же минуту предпле-

чье Блеза Лорентена небрежно обхватила рука в серебристой перчатке, и француз, крикнув от боли, отпустил мое запястье. Я повернула голову и увидела советника и секретаря королевы Никола де Клерака, одетого в костюм музы астрономии Урании – белую шелковую тунику и приборенную хламиду, расшитые серебряными глобусами и компасами. Вокруг глаз его лицо было раскрашено полосами голубой и серебряной краски. И все равно в отличие от остальных джентльменов, играющих муз, он не выглядел ни глупо, ни проказливо; хотя на нем и была женская одежда, встретив его где-нибудь темном месте, я бы испугалась.

– Не важно, кто из них виноват, – нетерпеливо сказала королева, однако ее устремленный на Никола де Клерака взгляд был исполнен восхищения. – Как бы то ни было, представление испорчено.

– Покуда заглавную роль исполняете вы, мадам, его ничто не может испортить, – сказал Нико де Клерак. – Уверен, месье Лорентен больше нам не помешает, а мистрис Ринетт вообще ни в чем не виновата. Не так ли, месье Лорентен?

Его пальцы снова стиснули руку француза.

– Да, конечно, – сдавленно произнес Лорентен. – Я принял ее за другую.

Съёр Нико улыбнулся и отпустил его запястье.

– А сама мистрис Ринетт хочет лишь одного – увидеть, чем кончится представление. Не так ли, мистрис?

– Да, – сказала я. Я не смотрела на него, а только на королеву в ее великолепном костюме. – Вы, мадам, прекрасны, как мечта, и мне никогда прежде не доводилось видеть подобного представления.

Это было чистой правдой. Однако я сказала это вовсе не поэтому, а для того, чтобы ей польстить, и тут же мысленно отругала себя за то, что играю в ту же игру, что и все остальные.

– Ну что ж, тогда мы продолжим, – сказала королева. – Месье Лорентен...

Было ясно, что сейчас она повелит ему удалиться. Но он уже улизнул.

– Вас прервали, когда вы декламировали четвертую строфу из обращения к Терпсихоре, – напомнил Нико де Клерак и, не обращая более на меня никакого внимания, занял свое место среди муз. Королева улыбнулась, глядя прямо ему в глаза, и снова принялась декламировать по-латыни. Терпсихора начала танцевать – весьма грациозно для мужчины, хотя Джон Семпилл вообще был шустрым молодым человеком. За его легкие ноги его прозвали «танцором», и королева, скорее всего, выбрала на роль Терпсихоры его за умение хорошо танцевать. Представление продолжилось. Я словно бы испарилась, растаяла, словно струйка дыма, и была этому несказанно рада.

Я не гадала, почему Никола де Клерак вмешался и помог мне выйти из затруднения. Один раз – когда он защитил меня, лежащую на мостовой Хай-стрит, с мертвым Александром в объятиях, от топчущей меня толпы – мог быть простой случайностью. Второй раз – когда он вдруг появился из темноты в аббатстве Холируд и предложил мне помочь в розыске убийцы Александра – куда менее походил на случайность. Третий раз...

Третий раз случайностью быть не мог.

Глава одиннадцатая

Замок Крайтон, Мидлотиан 4 января 1562 года

– Здесь так холодно, – проговорила королева. – Как же здесь холодно!

Она дрожала и ежилась от холода, сидя на табурете перед огнем, со вчерашнего дня, когда мы все приехали в замок Крайтон. Я не знала, что делать. Через несколько часов единокровный брат королевы лорд Джон Стюарт должен был сочетаться браком с сестрой графа Босуэла Джин Хепберн, и двор явился в замок Крайтон как раз для того, чтобы королева Мария почтила свадьбу своим присутствием. То, что вместо этого она сидела перед камином в своей опочивальне, закутанная в два подбитых мехом плаща и старый шерстяной плед, едва ли могло понравиться Босуэлу или ее брату.

– Такой холод – это *la morte*⁴⁵ для такого хрупкого и прекрасного цветка, как вы, мадам. – Пьер де Шастеляр стоял на коленях подле королевы, прижимая ее руку к своей щеке – неслыханная наглость для жалкого, второсортного поэтишки, чьи стихи были всего лишь претенциозным подражанием поэзии Ронсара⁴⁶. – Давайте сбежим обратно, в долину Луары, где настоящие католики по-настоящему празднуют Рождество.

Мне хотелось треснуть его по голове серебряным позолоченным ночным горшком королевы, который я только что опорожнила, вымыла в корыте для водопоя на конюшне и начистила до блеска. После ужасного конфуза, случившегося при моем первом появлении при дворе на маскарадном представлении с участием Аполлона и муз, мне поручали только самые низкие, наименее публичные задания. Королева явно не собиралась позволить мне еще раз отвлечь всеобщее внимание от нее самой во время какого-нибудь многолюдного приема, вечера или зрелища.

– Мадам, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко и почтительно, – свадьба вашего брата должна состояться в четыре часа пополудни, то есть уже через два часа, а за нею последуют большой пир и увеселения. Вам надо надеть платье и позволить уложить ваши волосы. Разрешите мне, по крайней мере, позвать Флеминг и Ситон, чтобы они занялись вашим туалетом.

– Мадам, разрешите мне вышвырнуть эти часы за окно, в этот ужасный снег, – своим нежным, как перышко, голосом прошептал месье де Шателляр, произнося шотландские слова с сильным французским акцентом.

Королева подняла голову. От тепла пламени ее щеки порозовели, а глаза вдруг сверкнули от негодования. Впервые после нашего приезда в Крайтон ее лицо оживилось.

– Не говорите глупостей, Пьер, – сказала она. – Эти часы подарил мне мой свекор, король Франции, и они слишком красивы и ценны, чтобы выбрасывать их в окно.

Она встала, и пестрый грубошерстный плед, в который она куталась, упал к ее ногам; она была высока и так стройна, что казалась не женщиной из плоти и крови, а неким неземным видением. Ее распущенные блестящие волосы, точно такого же цвета, как и огонь в камине, красиво ниспадали с высокого бело-розового лба. Я уже научилась не удивляться внезапным переменам ее настроения, но я никогда не пойму, как ей удавалось за время одного вдоха переходить от света к мраку и обратно от мрака к свету.

– Вы можете идти, Пьер, – надменно проговорила она. – Мне надо одеться.

– Я буду вашим камердинером, – отвечал поэт. – Я расцелую ваши изящные ступни и со сладостным восторгом надену чулки на ваши восхитительно длинные ноги.

---

⁴⁵ Смерть (*фр.*).

⁴⁶ Ронсар, Пьер де (1524–1585) – выдающийся французский поэт.

– Я позову своего брата и попрошу его заколоть вас à l'Écossais⁴⁷, – холодно произнесла королева. – Он проткнет вас кинжалом насквозь тысячу раз, как велит шотландский обычай. Вы слишком много стали себе позволять, месье де Шателяр.

Бедный поэт выглядел смущенным и обиженным; как видно, улавливать молниеносную смену настроений королевы Марии ему удавалось еще хуже, чем мне. Но я не была от нее без ума, он же, как толковали, был влюблен в королеву по уши.

– Прошу извинить меня, мадам, – подчеркнуто официально произнес он. – Позвольте мне удалиться.

– Ступайте. – Она уже утратила к нему всякий интерес. Приблизившись к столу у окна – самому стылому месту в опочивальне, хотя она, по-видимому, совершенно не ощущала холода – она положила руку на часы. – Я помню тот день, когда король Генрих подарил мне эти часы в день моей помолвки в великолепном новом «Salle des Caryatides»⁴⁸ в Лувре. А потом мы танцевали – о, как мы танцевали!

Поэт незаметно ретировался.

– Сегодня тоже будут танцы, мадам, – промолвила я. – Граф Босуэл не пожалел расходов ни на освещение, ни на дрова, так что в зале будет тепло и светло. Там будет играть музыка, и будут подавать самые изысканные яства и напитки – в конце концов, не каждый день сестра графа выходит замуж за сына короля.

– Только посмотрите на них, – продолжила королева, как будто я ничего не говорила. – «Красивые часы, отбивающие время» – так король Генрих назвал их, когда дарил их мне. Видите, как они стоят на своей серебряной позолоченной подставке, украшенной чеканными цветами, и аквамаринами, и жемчугом? Горный хрусталь на их циферблате так же прозрачен, как самое лучшее стекло. В Шотландии я не видела ничего подобного.

– У нас тоже есть часовых дел мастера, – сказала я. – Правда, сама я их не встречала, но ведь должен быть в Шотландии хотя бы один.

– О да, наверняка и здесь есть часовщики, но я уверена, что тут не сыщутся такие же мастера своего дела, какие изготовили мои horologe fleurie⁴⁹. Она опять задрожала, возвратившись из грез о далекой Франции в холодную юго-западную башню замка Крайтон. – Здесь все другое. Здесь так холодно. Иногда я жалею, что вернулась в Шотландию.

– Не говорите так, мадам. Вы королева Шотландии. Вы здесь родились. Ваше место здесь.

– Нынче вечером я не хочу быть королевой. Пойдите скажите графу Босуэлу, чтобы праздновал свадьбу своей сестры без меня. Я чувствую себя нездоровой и останусь здесь.

Она снова закуталась в плед, плюхнулась на табурет перед камином и угрюмо уставилась на огонь.

– Вспомните пожар в Стерлинге, – сказала я. Надо было опять изменить ее настроение, а я знала, как сильно история в Стерлинге подействовала на нее. – Вспомните древнее пророчество. Вы – королева Шотландии, появление которой было предсказано тысячу лет тому назад.

Она немного выпрямилась и посмотрела на меня сквозь паутину своих блестящих волос.

– Пророчества, – проговорила она. – В серебряном ларце моей матушки тоже хранятся записи пророчеств, во всяком случае, так сказал мне Джеймс. Ваш муж прислал ему письмо с предложением продать ларец.

---

⁴⁷ По-шотландски, в шотландском стиле (фр.).

⁴⁸ Зал кариатид (фр.).

⁴⁹ Изукрашенные часы (фр.).

– Я не знала, что делает Александр, мадам. Мне не следовало показывать ему ларец – теперь я это знаю.

– Но сейчас ларец хранится в надежном месте?

– О да.

– Джеймс говорит, там содержатся секреты. То, что знала моя мать и больше никто. Уверена, там есть и зловещие тайны самого Джеймса, и если ларец окажется у него, он первым делом уничтожит документы, повествующие о них.

– Я не знаю, мадам. Я не заглядывала внутрь.

– Я вам не верю. У вас был и ларец, и ключ от него. Кто бы удержался от искушения? Не лгите мне, Марианетта.

Мгновение я поколебалась. Затем, чувствуя себя так, словно слепо бросаю игральные кости в яму, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.